

*Архиепископ
Брюссельский
и Бельгийский
Василий
(Кривошеин)*

ПИСЬМА

*о горнем
и дольном*

**БОГОСЛОВСКИЕ ТРУДЫ, ПРОПОВЕДИ,
ВОСПОМИНАНИЯ,
ПИСЬМА**

Архиепископ Василий (Кривошеин)

Письма о горнем и дольном

Православное издательство "Сатисъ"

2010

Василий (Кривошеин) А.

Письма о горнем и дольном / А. Василий (Кривошеин) —
Православное издательство "Сатись", 2010

ISBN 978-5-7868-0027-3

По благословию митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского
ВЛАДИМИРА. Архиепископ Василий (Кривошеин) (1900–1985) выдающийся
современный богослов и ученый-патролог, видный церковный деятель, автор
трудов о пр. Симеоне Новом Богослове, Св. Григории Паламе, о молитве
и др., прошедший удивительный жизненный путь. 17/30 июля 2010 года
исполнилось 110 лет со дня рождения владыки Василия.

ISBN 978-5-7868-0027-3

© Василий (Кривошеин) А., 2010

© Православное издательство
"Сатись", 2010

Содержание

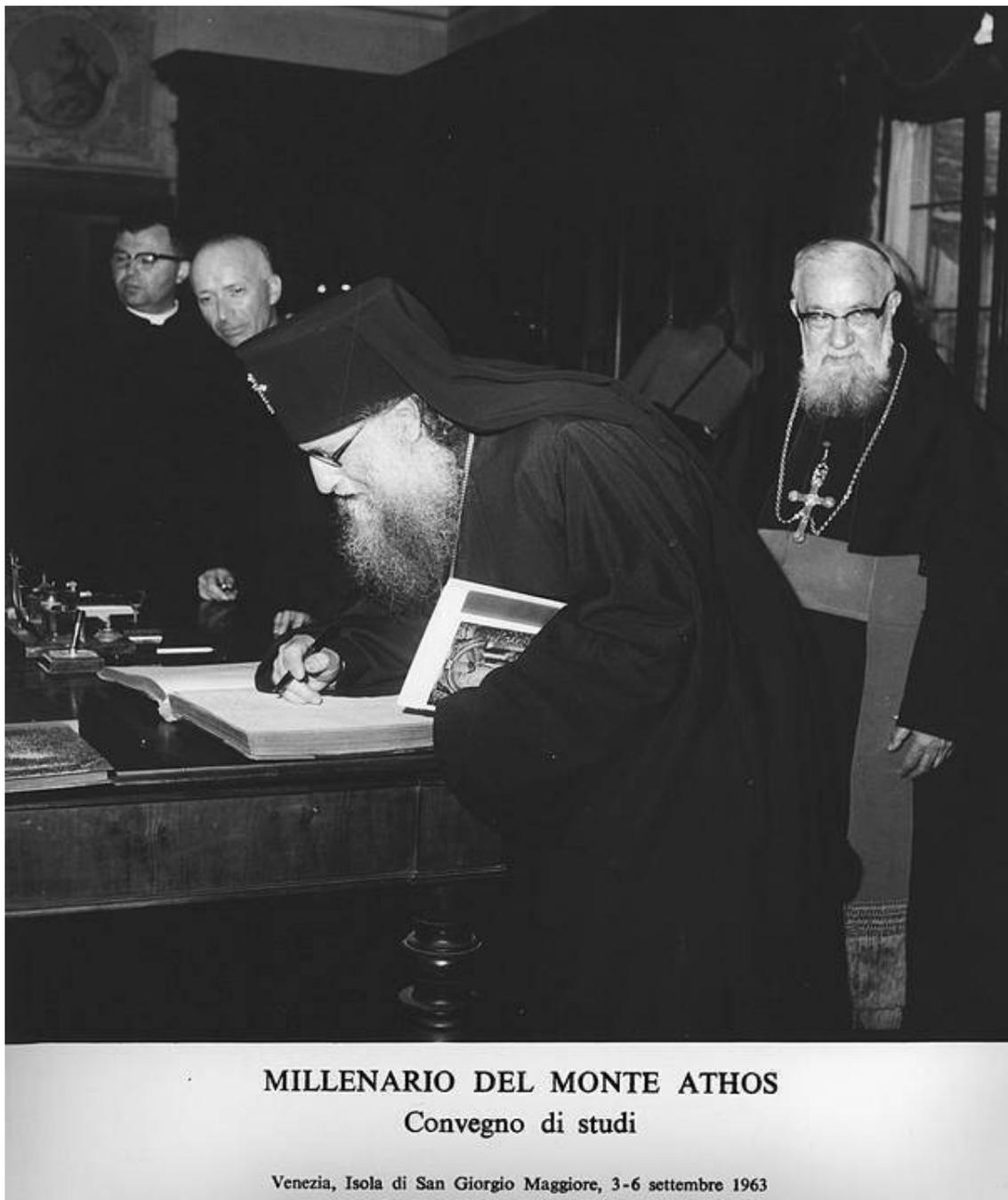
Предисловие	7
Введение	9
Афон в духовной жизни Православной Церкви	15
I	15
II	21
III	24
Письма к родным	30
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Архиепископ Брюссельский и Бельгийский Василий (Кривошеин) Письма о горнем и дольном

© Издательство «Сатись», К.И. Кривошеина, 2010 г.

* * *

Венеция. Международная Богословская конференция, посвященная 1000-летию Афона. 1963 г.

Предисловие

После кончины архиепископа Василия (Кривошеина), согласно его завещанию, большая часть его книг (около 1500 томов) была передана в Ленинградскую Духовную Академию. Личный архив владыки был разделен: одна часть, с рукописями и фотографиями, перешла к брату и племяннику в Париж, другая часть, в том числе и переписка, хранилась у его многолетнего помощника и секретаря, протодиакона Михаила Городецкого. После смерти последнего, последовавшей в 2003 году, часть архива оказалась утерянной. Однако, еще при жизни отца Михаила были сделаны электронные копии некоторых писем, которые оказались нам доступными. В настоящей публикации представлены самые разнообразные письма, в том числе, и письма владыке Василию насельников русского афонского монастыря святого Пантелеймона. Есть и несколько писем самого владыки, например, его письмо митрополиту Никодиму (Ротову) с рассказом о состоянии дел на Афоне. Данные документы представляются очень интересными, так как позволяют читателям узнать из первых уст о положении «русского Афона» в 50–70 годы XX столетия – один из самых трудных периодов его существования. Владыка Василий четверть века прожил на Святой Горе и потому живо интересовался всем, что происходило на Афоне. Он переписывался с братией и всячески старался помочь им. Из переписки видно, как высоко ценили афонцы заботу владыки. В публикуемых письмах мы оставили без изменения авторский стиль изложения, прокомментировав в примечаниях некоторые имена и события, которые удалось восстановить.

Многие из писем – это уникальные документы, проливающие свет на те или иные события церковной жизни того времени, когда Церковь была лишена возможности открыто обсуждать вопросы своего внешнего и внутреннего бытия. Владыка всегда писал и говорил то, что думал, невзирая на обстоятельства и персоналии. Отчасти это было связано с тем, что, не будучи советским гражданином, владыка мог чувствовать себя свободнее, но это только отчасти... Всегда слова и действия покойного архипастыря были направлены на выявление правды и проникнуты только одним – безграничной любовью к своей Церкви.

Очень ценны письма владыки к родным, ибо с ними он особенно откровенно обсуждал те вопросы, которые могли быть затронуты в официальных письмах и его обращениях в прессе. Смирно надеемся, что наша работа поможет будущим исследователям включить многие неизвестные факты в летопись истории Русской Православной Церкви XX века. Интересно отметить и следующее обстоятельство, до некоторых пор не известное, а именно то, что на Афоне, в обители, хранятся редкие снимки времен немецкой оккупации, сделанные тогдашним представителем Русского монастыря в Киноте, иеромонахом Василием (Кривошеиным), будущим архиепископом Брюссельским. Фотолетопись Русского Афона продолжалась более или менее регулярно до конца 30-х годов прошлого столетия. Именно она донесла до нас облик преподобного старца Силуана Афонского.

Настоящая книга включает также и воспоминания самого владыки, его богословские труды и проповеди. Мы благодарим преемника владыки Василия на Бельгийской кафедре, архиепископа Брюссельского и бельгийского Симона, за возможность доступа в архив епархии и за поддержку нашей работы. Мы также благодарим за помощь секретаря Бельгийской епархии священника Сергия Моделя, без деятельного участия которого эта работа вряд ли была бы возможна. Особая признательность моей жене Елене, разделившей с нами нелегкий труд по расшифровке рукописей. А также особая благодарность Никите и Ксении Кривошеиным за постоянную поддержку в нашей работе и предоставлении редких рукописей из своего семейного архива.

Священник Димитрий Азеев, Representation of the Russian Orthodox Church to the European Institutions Bruxelles, Belgique

Введение

Архиепископ Василий (Кривошеин) и Афон

Рассказывая в «Воспоминаниях» о различных периодах своей жизни¹, архиепископ Василий (Кривошеин) ничего не говорит о двадцати двух годах, проведенных им на Афоне, хотя эта часть его жизни, безусловно, одна из наиболее важных в формировании его личности; именно Афон сделал владыку Василия таким, каким он будет всю жизнь (несмотря на то, что он станет иерархом и богословом): смиренным монахом, ведущим простую, скромную жизнь, сохранившим при этом свободу мысли и слова. Поэтому желательно, по возможности, восстановить события этих лет, используя его переписку² и другие документы, которыми мы располагаем³.

Ничто не предвещало Всеволоду Александровичу Кривошеину, четвертому сыну царского министра, служить Церкви. Родившийся в 1900 году, в Санкт-Петербурге⁴, молодой студент исторического факультета не был особенно религиозен, когда в 1919 году вступал в Белую армию. Однако бедствия революции и гражданской войны, а также живое переживание того, как несколько раз Бог спас его от смерти⁵, оставили неизгладимый след в его душе. С отмороженными руками и ногой он был эвакуирован в 1920 году во Францию. Здесь, на филологическом факультете Сорбонны, он закончил учебу, которую начинал в родном городе, на историческом факультете Санкт-Петербургского университета, а затем Московского.

В 1924–25 годах В. Кривошеин принимает активное участие в русском студенческом христианском движении (РСХД) во Франции, где он встречается с Н. Бердяевым, Б. Вячеславцевым, о. Сергием Булгаковым. С этого времени возникает у него интерес к отцам Церкви (с самого начала учебы его интересовала Византия), а епископ Вениамин (Федченков), будущий инспектор Свято-Сергиевского Православного богословского института в Париже, внушает ему любовь к православному богослужению. Как объяснит позднее владыка Василий, его интересы эволюционировали от истории к философии, а затем к – богословию⁶. Одним из первых он записывается в Свято-Сергиевский Институт, который открылся в Париже, в апреле 1925 года⁷, и в течение шести месяцев посещает лекции.

Афонский монах

В сентябре 1925 года В. Кривошеин участвует в съезде РСХД, в монастыре Хопово, в Сербии⁸ (здесь он знакомится с митрополитом Антонием [Храповицким]) и отсюда, вместе со своим сокурсником Сергеем Сахаровым (будущим архимандритом Софронием), отправляется в паломничество на Афон, который его привлекал как место воплощения подлинной православной духовности. Получив, с большими трудностями⁹, разрешение на посещение Святой Горы, два молодых человека прибывают 19 сентября¹⁰ (2 октября) 1925 года на Афон и, начиная с русского монастыря святого великомученика Пантелеймона, обходят монастыри Святой Горы. Очарованные Афоном, они 21 ноября (4 декабря) – в праздник Введения во Храм Пресвятой Богородицы – вступают в братию Свято-Пантелеимоновского монастыря. Накануне праздника Благовещения, 24 марта (6 апреля) 1926 года, послушник Всеволод принимает постриг в рясофор с именем Валентин, а 5 (18) марта 1927 года – в мантию с именем Василий, в честь святого Василия Великого. Впоследствии владыка Василий расскажет, как их принимали в монастырь: их отправили к старцу, который спросил будущего о. Софрония: «Для чего Вы сюда приехали?» – «Для одинокой созерцательной жизни». – «Вот хорошо, так вот ты пойдешь и стань помощником сторожа дверей». А будущему владыке Василию говорит: «А Вы

для чего приехали?» – «Я приехал заниматься исследованиями богословскими, рукописями афонскими». – «Вот хорошо, так ты иди на кухню¹¹». И продержали того и другого некоторое время там, чтобы они стали в первую очередь монахами¹².

Вскоре два молодых монаха получают иное послушание: для нужд общины игумен просит о. Василия, как и о. Софрония, изучить греческий язык (древний и современный), который они изучают вначале в монастыре, потом в Карее (административной столице Афона). После двух лет обучения и пребывания в Карее (1927–1929) они возвращаются в монастырь, где монах Василий назначается секретарем (грамматикосом), в обязанности которого входит переписка с администрацией Афона, Вселенской Патриархией и с греческими правительственными учреждениями, а также деловая переписка по экономическим вопросам. Поскольку он один из немногих монахов, знающих основные европейские языки¹³, ему также поручено сопровождение паломников и посетителей Афона, среди которых были ученые византологи, интересующиеся древними манускриптами, а также католические монахи, изучающие православную монашескую жизнь. Сам будущий владыка жалуется матери в письме от 30 января 1932 года, что после Пасхи «опять пойдут иностранцы (всех национальностей)», с которыми он должен будет «возиться», даже если «среди них попадают люди с духовными запросами и интересом к Православию¹⁴».

Сохранился следующий эпизод: 1932 год. Один католический богослов спрашивает отца Василия: «Какие книги читают ваши монахи?» – И в ответ он слышит: «Иоанна Лествичника, аввы Дорофея, Феодора Студита, Кассиана Римлянина, Ефрема Сирина, Варсанофия и Иоанна, Макария Великого, Исаака Сирина, Симеона Нового Богослова, Никиты Стифата, Григория Синаита, Григория Паламы, Максима Исповедника, Исихия, Диадоча, Нила и других отцов, имеющих в "Добротолюбии"». «У нас таких авторов читают лишь профессора», – удивился он. – «Они читают также и иные творения святых отцов Церкви и сочинения позднейших писателей-аскетов, как например: епископа Игнатия (Брянчанинова), епископа Феофана Затворника, преподобного Нила Сорского, Паисия Величковского, Иоанна Кронштадтского и других», – добавил отец Василий, который рассказал потом об этой беседе старцу Силуану (Антонову). «Вы могли бы ему сказать, что если бы эти книги исчезли, монахи написали бы новые¹⁵», – заметил святой Силуан Афонский.

По поводу непосредственно монашеской жизни о. Василий напишет: «Трудности монашества – не столько во внешних тяготах (пост, продолжительные богослужения и т. д.), сколько во внутренней душевной брани. А еще в умении извлекать душевную пользу и поддерживать "божественное желание" в обычном ходе монастырской повседневной жизни. Все опять сводится к "стяжанию Духа Святого" – в чем преподобный Симеон Новый Богослов и преподобный Серафим Саровский усматривают цель всей духовной жизни и даже условие нашего спасения! Не могу сказать, чтобы я хоть сколько-нибудь преуспел на этом пути. Характер мой за эти годы почти не изменился сравнительно с тем, что был в миру. Больше читаю о духовной жизни, нежели прохожу ее на деле. Читаю вообще много и в ущерб молитве. Хорошо только, что в монастыре имеются некоторые старцы большой духовной жизни [...] от них можно многому научиться¹⁶».

Но в целом мы мало знаем об афонской жизни монаха Василия. Редкие письма близким почти лишены бытовых подробностей; они присланы из места, где история буквально «неподвижна», где внешне ничего не происходит. «Все по-прежнему¹⁷», «все тихо и благополучно¹⁸» – вот лейтмотив монашеской жизни, отраженный в письмах о. Василия.

С 1937 по 1942 годы отец Василий – член монастырского совета и второй чрезвычайный представитель монастыря на общеафонских собраниях, где обсуждаются вопросы, интересующие все общины Афона. В 1942 году он становится постоянным представителем (антипросо-

пом) Пантелеймонова монастыря в Киноте Святой Горы (афонском «парламенте»), а в 1944–45 годах – членом Святой Эпистасии (административного органа Афонских монастырей¹⁹).

Наряду с административным послушанием, монах Василий начинает изучать труды отцов Церкви. Монастырская библиотека (одна из самых богатых на Афоне) и ценнейшее хранилище древних рукописей становятся источниками его вдохновения. Изданное в 1936 году, в Праге, его систематическое исследование – первое! – о богословии святого Григория Паламы²⁰, становится классическим. Позднее его исследования о Симеоне Новом Богослове и других отцах Церкви сделают его одним из главных представителей «нео-патристической» школы православного богословия.

Монастырь Святого Пантелеймона, во время пребывания там монаха Василия, насчитывал многих, глубоко духовных, людей. Кроме игуменов монастыря Мисаила (Сопегина), а затем Илиана (Сорокина, духовника о. Василия) и архимандритов Кирика (исповедника общины) и Феодосия (отшельника Карулии), там были такие известные монахи, как отцы Вениамин (отшельник Кавсокаливия), Диадок, Трофим и Силуан. Несмотря на это, монастырь испытал период кризиса, по причине старения и резкого уменьшения числа монахов (вызванного войной и большевистской революцией, а затем запретом, исходящим от греческих властей, которые не разрешали поселиться на Афоне новым русским монахам): с 550 монахов в 1925 году (их было 2000 до 1914 года) число монахов уменьшилось до 380 в 1932 году и до 180 – это были уже, в большинстве своем, люди очень пожилые – в 1947 году²¹. В качестве секретаря монастыря и его представителя в Киноте монах Василий пытался противостоять запретительным мерам греческих властей, что вызывало недовольство лиц, враждебных русскому монашеству на Святой Горе. В сентябре 1947 года он был ложно обвинен в просоветских настроениях (это было время гражданской войны в Греции) и вынужден покинуть Гору Афон²². Он был даже временно арестован греческими властями²³ прежде, чем его освободили, и в мае 1950 года он оказался в Афинах, а затем в феврале 1951 года уехал в Оксфорд. Здесь он станет священником, затем епископом, никогда не переставая чувствовать себя, прежде всего, афонским монахом.

Афон после Афона

Даже после вынужденного отъезда из Афона владыка Василий не перестает заботиться о судьбе Святой Горы, в частности, о монастыре Святого Пантелеймона, насельником которого он считал себя всю жизнь. Везде, где бы он ни жил (в Оксфорде, Париже, затем в Брюсселе), его образ жизни всегда будет нести отпечаток монашеской простоты; темы богословских исследований, которые он выбирает, и смирение, с которым он приступает к Отцам, обычно отмечены печатью его «афонства»; но главным образом, он продолжает интересоваться современной ситуацией на Афоне, он поддерживает постоянную переписку с монахами, принимает паломников и читает все, что в той или иной мере касается Афона²⁴. Он также приложит усилия, чтобы всеми возможными способами оказать помощь монастырям²⁵.

Каждый раз, при удобном случае, он пытается привлечь внимание священноначалия (например, митрополитов Николая [Ярушевича] и Никодима [Ротова] – поочередно председателей отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата) к положению афонского монашества и необходимости поддержать его. И если митрополиту Никодиму, которому удалось отправить на Святую Гору новых русских монахов²⁶, монастырь святого Пантелеймона обязан своим возрождением, это, несомненно, произошло благодаря неоднократному и настойчивому вмешательству владыки Василия.

В ноябре 1959 года, в Фессалонике, он участвует в праздновании 600-летия кончины Григория Паламы, а в сентябре 1963 года – в праздновании тысячелетия Горы Афон, в Венеции. Однако только в августе 1976 года владыке Василию, наконец, вновь удастся отправиться

на Святую Гору (он вернется туда в апреле – мае 1977 года и в августе 1979 года²⁷). Со слезами на глазах – под звон всех монастырских колоколов, которые всегда звонят в честь епископов – он вступает на территорию монастыря, которую был вынужден покинуть 29 лет назад. Один иеромонах монастыря впоследствии расскажет: «Дел у меня в монастыре было очень много; с утра до вечера хожу, хлопочу. И владыка Василий целами днями за мной ходил и просил: “Ты меня еще раз поисповедай, ты меня еще раз поисповедай!”²⁸» Несомненно, пребывание на Афоне вызывало у владыки Василия желание очистить свою душу от всего, что ему пришлось пережить за время своего отсутствия в монастыре. В конце своей жизни сам, став опытным духовником, он будет стремиться передать ненавязчиво, и часто незаметно, хоть немного от этого афонского опыта тем, кто приходил к нему.

«Братолюбивый нищий»

Несмотря на то, что владыка Василий был известным богословом, вызывавшим интерес у читателей, он действительно оставался человеком очень скромным, человеком, который не кичился своей духовностью и бережно хранил свой внутренний мир, сосредоточившись на поиске «света Христова»²⁹. Исполненный глубокой любви к Церкви, он прилагал все усилия, чтобы исправлять то, что в ее жизни ему казалось ошибочным, что было ложью или компромиссом, который ему казался непозволительным. Сам он старался всегда говорить правду, при этом никого не осуждая, как подобает афонскому монаху.

Одна родственница спросила владыку Василия, в чем состоит духовное окормление в афонской традиции. Он ответил: «У меня был старец в первые два года моей жизни на Афоне, его звали отец Кирик, позже его направили в Чехословакию; вот тогда была совершенно особая старческая жизнь. А вообще монахи на Афоне все очень замкнутые. Как сказано в житии Марии Египетской, что свидетелем ее жизни был только Сам Бог, так и на Афоне: каждый живет своей внутренней духовной жизнью». На вопрос «Почему такая личность, как старец Силуан, не был замечен монахами, живущими рядом с ним?» он ответил: «Он делал свое дело и всегда молчал. Никто на Афоне никогда своим внутренним миром не делится»³⁰.

В некрологе, посвященном владыке Василию, профессор Воордеккерс из Бельгийского Общества Византийских исследований написал: «В его заключительной книге [биография Св. Симеона Нового Богослова], во многих местах, мы узнаем в свойствах Симеона свойства самого ее автора, всю жизнь бывшего “братолюбивым нищим”³¹». Нам кажется, что эта характеристика ему вполне соответствует.

*Священник Сергей Модель, кандидат политических наук, секретарь
Брюссельско-Бельгийской епархии Московского Патриархата*

Примечания:

1. См. архиепископ Василий (Кривошеин), Воспоминания. Письма, Нижний Новгород, изд. Братство Св. Александра Невского, 1998.
2. См. архиепископ Василий (Кривошеин). Из переписки с Афоном // Церковь и Время, № 40, 41, и 43. М., 2007–2008.
3. Среди которых интересная «Автобиографическая заметка» найдена в архивах архиепископа Василия.
4. Более подробную биографию владыки Василия см.: отец Сергей Модель, Архиепископ Василий (Кривошеин) Брюссельский и Бельгийский: биографический очерк // Церковь и время, № 37, 2006. С. 182–195.
5. См. архиепископ Василий (Кривошеин). Спасенный Богом. Воспоминания, СПб., изд. Сатисъ, 2004.

6. См.: Письмо брату Игорю от 25 декабря 1956 г., А. Мусин (ред.). Церковь владыки Василия (Кривошеина), Нижний Новгород, изд. Братство Александра Невского, 2004. С. 51–52.
7. См.: Свято-Сергиевское подворье в Париже: К 75-летию со дня основания. Париж – СПб., изд. Храм преп. Сергия/Алетея, 1999.
8. См.: Л. Зандер. Съезд в Хопове // Путь, 1926, № 2. С. 116–121.
9. Греческие власти после большевистского переворота 1917 г. не разрешали русским посещать Св. Гору и только провиденциальная халатность полицейского, контролирующего вход, позволила В. Кривошеину и С. Сахарову достичь монастыря святого Пантелеимона. См.: отец Плакида [Десей]. Архимандрит Софроний и Афон // Contacts, Revue française de l'orthodoxie [Контакты, французский журнал Православия], № 209, Paris. P. 32.
10. Даты даны по юлианскому календарю, принятому в Русской Церкви и на Афоне.
11. По другим свидетельствам, первым послушанием будущего архиерея была починка облачения в мастерской.
12. Архиепископ Василий (Кривошеин). Две встречи. СПб., изд. Сатись, 2003. С. 6.
13. Кроме русского, и теперь греческого, он свободно владел французским, английским и немецким.
14. Из письма к своей матери, 30 января 1932, в книге: Архиепископ Василий (Кривошеин). Воспоминания. Письма. С. 498.
15. Архимандрит Софроний. Преподобный Силуан Афонский. Житие, учение и писания. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2002.
16. Архиепископ Василий (Кривошеин), Воспоминания. Письма, с. 498.
17. Из письма к матери, от 14 декабря 1938, в книге: А. Мусин (ред.). Церковь владыки Василия (Кривошеина). С. 33.
18. Из письма к матери, от 14 февраля 1940. Указ. соч. С. 40.
19. В это время монах Василий делает фотографии Кареи, которые сегодня представляют редкую хронику монастырской жизни во время немецкой оккупации.
20. Монах Василий (Кривошеин). Аскетическое и богословское учение св. Григория Паламы, *Seminarium Kondakovianum*, VIII. Prague, 1936. С. 99–154.
21. Уменьшение числа монахов продолжается: в 1956 году осталось лишь 75 монахов, 35 – в 1961 и 20 – в 1965. Если бы, начиная со второй половины 1960 года, не разрешили приезд нескольких новых монахов, русское монашество на Горе Афон совершенно бы исчезло.
22. Причиной, по которой он был выслан из страны, было отсутствие официального разрешения въезда на Гору Афон (см. примечание 4), разрешения, о котором власти своевременно вспомнили спустя ... двадцать два года.
23. Он был заключен в лагерь на острове Макрониссос в Эгейском море.
24. Например, архиепископ Василий тщательно сохранил Православный церковный календарь на 1976 год (издание Московской Патриархии), только потому, что он был посвящен Афону.
25. См.: архиепископ Василий (Кривошеин). Из переписки с Афоном // Церковь и Время. Указ. соч.
26. См.: митрополит Ювеналий (Поярков). Взаимоотношения Руской Православной Церкви и Афона в XX веке, [<http://www.patriarchia.ru/db/text/149350.html>]; архиепископ Василий (Кривошеин). Воспоминания. Письма, указ. соч., митрополит Ювеналий. Человек Церкви: К 20-летию со дня кончины и 70-летию со дня рождения митр. Ленинградского и Новгородского Никодима [Ротова]. М.: Изд-во Московской Патриархии, 1999. С. 371–375.
27. См.: Журнал Московской Патриархии, № 12, декабрь 1979. С. 11.
28. Церковь владыки Василия. С. 416 и 464.

29. Книга владыки Василия о Симеоне Новом Богослове на французском языке так и называется «В свете Христа».

30. Церковь владыки Василия. С. 417. По этой причине владыка Василий проявит сдержанность по отношению к некоторым трудам о. Софрония.

31. Byzantion. Revue internationale des Études byzantines [Международный журнал Византийских исследований] t. LVI, 1986. P. 11.

Афон в духовной жизни Православной Церкви

I

Доклад об Афоне – задача нелегкая. Трудность ее происходит не только от того факта, что уже столь многое было написано о Святой Горе. Существует обширная литература об Афоне на многих языках и самого разнообразного типа. На первом месте – описания путешественников и посетителей Афона². Самое старое из них принадлежит русскому иеродиакону Зосиме из Новгорода, который посетил Афонскую Гору в 1420 году и оставил краткое описание своего путешествия. Следующее написано итальянцем Буондельмонти, посетившим Афон в середине XV столетия. С тех пор, вплоть до нашего времени, такого рода описания непрерывно появляются в свет. Другие книги по истории, археологии, искусству, юридическому строю³ и монашеской жизни Афона могут быть добавлены к этой основной массе впечатлений путешественников... Такая литературная продуктивность, несомненно, указывает на непрерывный и живой интерес к этой монашеской стране в течение последних столетий и до наших дней, как со стороны восточного, так и западного мира в равной степени. Но все эти книги обычно обильно неточностями и не дают полной картины Афона вообще и его духовной жизни в частности, и потому Святая Гора продолжает в глазах многих оставаться тайной и вопросом. Диаметрально противоположные взгляды были высказаны о ней. Такое различие в оценке может быть в значительной степени объяснено тем обстоятельством, что большинство из них основывается на кратковременных посещениях лиц, не знакомых не только с местным языком, но и почти со всем, касающимся Православной Церкви, восточного монашества и его духовной жизни. Нередко даже серьезные и ученые работы об Афоне, как например, длинная статья Каралевского в «*Dictionnaire de l'Histoire et de Geographie Ecclesiastiques*»⁴, полны таких больших ошибок и неточностей⁵, которые никогда не были бы терпимы в историческом труде по любому другому вопросу, кроме Афона, о котором почему-то каждый считает себя в праве говорить все, что только ему вздумается. Впрочем, в качестве примера серьезной и объективной книги, удачно сочетающей впечатления путешественника с историческим обзором, может быть упомянута превосходная работа проф. Даукинса «*Монахи Афона*»⁶. Тем не менее даже и эта книга не свободна от неточностей и не рассматривает глубоко духовную жизнь монахов.

В настоящем докладе я ограничусь немногими словами о месте Афона в духовной жизни Православной Церкви в прошлом и настоящем. Я предполагаю, что здесь все знают в общих чертах историю Святой Горы, и потому нет нам необходимости подробно останавливаться на ней. Афон как монашеская страна, по-видимому, существует с VII–VIII вв. Его возникновение может быть связано с мусульманским завоеванием Египта, Палестины и Сирии и с распространением монофизитской ереси в этих странах. После потери Востока центр православного монашества был перенесен на Афонскую Гору, хотя этот процесс и потребовал сравнительно долгого времени для своего завершения. Так, в IX веке мы видим только первые элементы организованной монашеской жизни на Афоне в виде небольших обителей с центральным управлением. Первый большой монастырь, Лавра св. Афанасия, был основан в 963 году. К 972 году относится первый общий «Статут» Св. Горы, так называемый «Трагос» (т. е. «Козел», потому что был написан на пергамене, сделанном из козлиной кожи), подписанный прп. Афанасием и императором Иоанном Цимисхием⁷. В XI–XII вв. Афон был уже вполне организован – с многочисленными монастырями различного типа, центральной администрацией, с монахами разных национальностей, греками на первом месте, далее – грузинами, болгарами, русскими и сер-

бами. Даже латиняне имели там монастырь св. Марии Амальфийской. Он держался латинского обряда, но был под юрисдикцией Константинопольского Патриарха, даже после откола Запада от Восточной Церкви. Этот период, хронологически продолжавшийся до латинских нашествий на Восток, так называемого четвертого крестового похода, завоевания Константинополя латинянами (1204 г.) и основания латинского королевства в Салониках, может быть рассматриваем как одна из наиболее цветущих эпох в истории афонского монашества. Более двухсот монастырей были разбросаны по всему пространству Св. Горы. Монашеское население было тогда, по-видимому, большим, чем в какой бы то ни было иной период. Некоторые историки даже говорят о 50 000 монахов, живущих на Афоне; это число, однако, нам представляется сильно преувеличенным, и более вероятным надо считать население того времени достигавшим 15 000 монахов. Духовно этот период определяется большой личностью прп. Афанасия Трапезундского (ум. около 1000 г.). Мудрый организатор общежительной жизни, замечательный духовный руководитель, он был человеком очень широких взглядов. Прп. Афанасию удалось привлечь на Афон своею святостью и мудростью монахов из всех частей христианского мира. У него были особенно тесные отношения с грузинами (объясняемые, быть может, тем обстоятельством, что его мать была грузинкой) и с латинянами. Благодаря его поддержке, Иверский (Грузинский) и Латинский монастыри были основаны на Св. Горе. Иверский монастырь вскоре стал значительным центром грузинской культуры, где много книг было переведено на грузинский язык. Устав Лавры, выработанный прп. Афанасием, носит следы устава прп. Венедикта⁸. Вероятным здесь можно признать влияние соседнего Латинского монастыря. Такое сверхнациональное представление о Св. Горе, как центре вселенского православного монашества, стоящего выше национальных различий, может быть рассматриваемо как завещание прп. Афанасия всем будущим поколениям афонских монахов.

Однако в этот период (X–XII вв.) Афон не играл еще значительной роли в истории восточной духовности. Нет сомнения, что средний духовный уровень монастырей был тогда достаточно высок, но лишь очень немного духовных писаний принадлежит афонским монахам этого периода. Кроме прекрасного и, в высшей степени, исторического жития преподобного Афанасия⁹ и нескольких уставов, скорее юридического характера, единственным значительным духовным творением этого времени является житие пустытника прп. Петра Афонского¹⁰. Хотя оно и лишено исторических данных, но замечательно как раннее изложение исихастской духовности, а также своим особенным почитанием Божией Матери как Покровительницы Св. Горы. Позже, в XIV веке, св. Григорий Палама воспользовался этим житием и литературно обработал его в целях апологии исихастского идеала¹¹. На Афоне преобладала в этот период общежительная жизнь – большие монастыри, и это, может быть, одна из причин его непродуктивности в области духовной литературы. Уже прп. Иоанн Лествичник отметил подобное явление среди пахомиевских монахов. Во всяком случае, большие духовные писатели этой эпохи не принадлежат Афону, как, например, великий мистик и выдающийся писатель, младший современник прп. Афанасия – прп. Симеон Новый Богослов (†1022)¹² и его ученик Никита Стифат, жившие оба в Константинополе, а также Илья Эдик, Филофей Синайский и др.

Синайская Гора, вопреки своей изоляции на Востоке, и Константинополь все еще продолжают быть в X–XII вв. центрами мистицизма, но Афон готовится уже принять их наследство и развить далее их духовные учения, что и совершилось в XIII–XV вв.

С духовной точки зрения, XIII–XV столетия – лучший период Афона, хотя внешне это время изобиловало для него всякими бедствиями. Нашествия и грабежи латинских крестоносцев в XIII веке; они даже построили особую крепость на границах Афона, так называемую «Франко-кастро» (Замок Франков), для более удобного совершения грабежей на Св. Горе. Еще более ужасными были опустошения Каталонских наемников, которые в начале XIV века сжигали на Афоне целые монастыри с их монахами. Грабежи со стороны турок в конце того же

века. Преследования со стороны униатского императора Михаила VIII, который пытался силою навязать унию с Римом. Все эти бедствия, обрушившиеся на Афон, имели своим естественным последствием укрепление и развитие того антиримского настроения, которое с тех пор является весьма характерной чертой его монахов. Духовно, однако, Афонская Гора среди этих тяжелых испытаний расцвела и стала центром одного из величайших мистических движений в истории Православной Церкви, известного под именем «исихазма». Это название происходит от слова «исихия», означающего буквально «покой» («безмолвие» – по церковнославянски). Это выражение обозначает состояние мистического покоя, когда человек освобождается от действия воображения и рассеянности мыслей и молитвенно весь сосредоточивается на внутреннем человеке, что содействует более чистому богообщению и восприятию благодати Святого Духа. Это состояние никак не следует смешивать с тем, что известно на Западе под именем «квиегизм».

В этой духовности нет ничего особенно нового, разве только интенсивность этого движения в XIV веке и его широкое распространение как среди монахов, так и среди светских людей. По своему существу это было древнее созерцательное и мистическое предание восточного монашества, уже представленное в IV–V вв. Евагрием и Макарием. Это древнее учение созерцательной жизни, стремящееся к видению Бога, испытало сильное влияние, начиная с V века и позднее, теории и практики так называемой Иисусовой молитвы, которая представляет собою своего рода «умную молитву», сосредоточенную на имени Иисусовом. Афон не создавал этой молитвы. Древнейшими центрами ее были, по-видимому, Палестина, Египет и, особенно, гора Синай, откуда она распространилась по всему православному миру, проникая даже в широкие светские круги. Она достигла Афона в своем уже развитом и, скорее, окончательном виде, со своим традиционным текстом, выраженным следующим образом: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя»¹³. Обыкновенно думают, что участие Афона в развитии этой молитвы состояло в выработке ее психотехнической стороны. Мы имеем в виду соединение непрерывной молитвы с ритмом дыхания, сосредоточение внимания в сердце, которое рассматривается как центр духовной деятельности, а также известное положение тела во время молитвы (как, например, сидение на низкой скамье, с головой, наклоненной вниз так, что подбородок касается груди). Мы не можем, однако, согласиться, чтобы вся эта «психотехника», столь важная в восточной духовности, была бы «изобретена» афонскими монахами¹⁴. Это, скорее, продукт долгого аскетического опыта, который научил монахов эффективности этих приемов в деле сосредоточения внимания на предмете молитвы и для предотвращения рассеянности мыслей и воображения. Это делание древнего происхождения не ограничено Афоном. Так, мы находим уже в «Духовных Беседах», приписываемых прп. Макарию Великому (IV–V вв.), учение о центральном месте сердца в духовной жизни. У прп. Иоанна Лествичника (VII в.), Исихия Синайского (VIII в.) и других находится много указаний на роль дыхания в молитве, как и на другие телесные приемы. Самый ранний аскетический памятник, описывающий подробно «техническую», или «художественную», молитву, – «Слово о молитве и внимании», приписываемое прп. Симеону Новому Богослову, очевидно, не принадлежит Афону¹⁵. Хотя подлинность его не достоверна, хронологически оно относится к X–XI вв. и географически, вероятно, принадлежит Константинополю. На Афоне мы впервые встречаем этот вид Иисусовой молитвы в писаниях прп. Никифора Монашествующего, который жил во второй половине XIII века. В своем слове «О трезвении и хранении сердца»¹⁶ прп. Никифор очень обстоятельно описывает действие сердца в молитве, а также и роль дыхания. Стоит отметить, что прп. Никифор был человеком западного происхождения, вероятно итальянцем, обращенным в Православие. Он доказал свою преданность Православной Церкви во время преследований со стороны униатского императора Михаила Палеолога и почитается на Афоне как исповедник. Его латинское происхождение, может быть, объясняет его особый

интерес к физиологическим вопросам и широкое пользование физиологическими описаниями (например, сердца) в своих аскетических писаниях. Деятельность его, однако, не имела, по-видимому, большого влияния на афонских монахов. Великий аскет XIV века св. Григорий Синаит († 1346) должен быть рассматриваем как главный начинатель великого духовного возрождения на Св. Горе. По своему прибытии на Афон, после долгого пребывания в различных монастырях Востока, Григорий нашел на Св. Горе, как он сам говорит, много добродетельных и благочестивых людей, но лишь немногих подлинных созерцателей, обладающих умною молитвою в ее высших степенях. Но даже и они приобрели молитву только из практики и не знали ее теории, и были неспособны научить ей других. Прп. Григорий сам научился Иисусовой молитве на Синайской Горе и еще более на Кипре, от одного св. старца Арсения. Следует отметить, что эта молитва всегда передавалась путем личного научения. Преподобному Григорию Синаиту удалось создать на Афонской Горе своим личным руководством и своими писаниями сильный подъем духовной жизни. Это была созерцательная школа, основанная, главным образом, на делании Иисусовой молитвы в ее наиболее разработанной и технической форме. С этого момента и на долгое время Афон стал духовным и даже богословским центром Православной Церкви с громадным влиянием на весь православный мир. Прп. Григорий предпринял ряд миссионерских путешествий по православным странам с целью распространения своих идей о созерцательной жизни и непрестанной молитве. Действенно помогал ему в работе духовного возрождения другой великий святой Афона, прп. Максим Кавсокаливский. Существуют четыре жития этого святого, изданные несколько лет тому назад в «*Analesta Bollandiana*»¹⁷. Прп. Максим, в отличие от прп. Григория, был простым человеком, без образования. Он не оставил письменных творений, но он был подлинным носителем благодати Святого Духа. Это был харизматик, прозорливец и чудотворец. Этот простой человек был глубоко осведомлен в самых тонких вопросах духовной жизни. Он имел живой интерес к богословским спорам своего времени и занимал в них совершенно определенную позицию. Тем не менее он не из книг приобрел благодать непрестанной молитвы. Она была дарована ему как особый дар Божией Матери. С прп. Максимом Кавсокаливским вновь появляется на Афоне древняя мистическая тема восточной духовности, – видение Божественного Света, занимающая столь центральное место в мистическом опыте и учении Макария и прп. Симеона Нового Богослова. В житиях прп. Максима находится много описаний такого видения, «невидимого видения», как он сам говорит, сверхчувственного и невещественного, но тем не менее объективного и действительного, так что один из учеников святого, Марк Простой, мог однажды видеть прп. Максима, во время молитвы окруженного огненным облаком. Иногда это видение Света сопровождалось ощущением сверхчувственного благоухания. Учение прп. Максима об экстатических состояниях, когда прекращается всякая молитва, также является чрезвычайно важным. Здесь прп. Максим близко соприкасается с великим сирийским мистиком VIII в. Исааком Ниневийским¹⁸.

Со святым Григорием Паламой исихастское движение вступает в период догматических споров и богословских построений¹⁹. Св. Григорий Палама, скончавшийся в 1359 году архиепископом Фессалоникийским, был в течение всей своей жизни тесно связан с Афоном. Он стал там монахом в возрасте 21 года, после того как покинул Константинополь, где родился в знатной семье и получил блестящее образование. Он жил долгое время на Афоне, был в течение трех лет игуменом общежительного монастыря Есфигмен, но отказался от настоятельства по любви к «исихии» (безмолвию) и жил как пустынный в окрестностях Лавры прп. Афанасия. Он, вероятно, остался бы там до конца своих дней, если бы только калабрийский монах Варлаам, своеобразный авантюрист и поверхностный ученый эпохи Возрождения, совершенно чуждый духовной жизни, не вздумал бы после краткого пребывания на Афоне начать ожесточенное нападение на созерцательных монахов Св. Горы за их занятие непрестан-

ной Иисусовой молитвой. Он осмеивал их психотехнические приемы и иронически называл их «omphalopsychoi». Этим прозвищем он инсинуировал, будто бы монахи верят, что душа человека имеет своим седалищем пуп! Но утверждение это было, конечно, ложным. Варлаам пришел к произвольным выводам из плохо понятых аскетических учений. Он основывал их на мнениях невежественных лиц. Св. Григорий Палама оставил свое уединение и взялся за защиту исихастского аскетического учения. Полемика очень скоро покинула аскетическую почву и сосредоточилась на богословских и метафизических вопросах, таких как Несозданный Божественный Свет, природа благодати, существо (ousia) Божие в его отношении к Божественным энергиям и др. Некоторые современные ученые упрекают Паламу за то, что он оставил созерцательную жизнь ради догматической полемики²⁰. Такой упрек несправедлив. Помимо того, что Палама вступил в догматическую полемику не по своему личному почину, но по настоянию монашеских властей Афона, он, действуя так, только шел по традиционному пути древних аскетических отцов, которые никогда не были безразличны к догматическим вопросам, так тесно связанным с духовной жизнью. Подобные упреки могли бы быть сделаны прп. Максиму Исповеднику за его вмешательство в антимонофелитскую полемику или прп. Феодору Студиту за его защиту почитания святых икон. Великие аскетические святые никогда не были безразличны к Православию, особенно когда они считали, что еретические учения подкапывают основания духовной жизни. А это было особенно верно в настоящем случае. Мистический опыт и все аскетические усилия человека лишены смысла и теряют свою ценность, если Свет, который озаряет созерцателя в его единении с Богом, не является действительно Божественным и несозданным. Созерцательная жизнь только тогда получает свое оправдание, когда через нее достигается непосредственное соприкосновение с Божеством, если Свет, видимый мистиком, тождествен по своей природе со Светом Преображения, осиявшим Господа на Фаворе. Все противники Паламы – Варлаам, Акиндин, Никифор, Григорас и др. – отрицали эти существенные основания подлинного мистического опыта. Действуя так, они вступали в противоречие с древней святоотеческой традицией Восточной Церкви, выраженной в творениях св. Григория Богослова и прп. Иоанна Дамаскина, которые учили, что Свет Преображения был Славой Божией, явлением Божества²¹, вечным, бесконечным, несозданным, как это определенно утверждает прп. Иоанн Дамаскин в своей проповеди на Преображение²². Мы не намерены пытаться изложить здесь спор о сущности и энергиях Божиих, скоро занявший центральное место в этих прениях. Он более принадлежит к богословским или даже метафизическим областям, чем к области духовной жизни. Тем не менее он был тесно с нею связан. Различие между недоступной и непостижимой Сущностью и несозданными энергиями Божества, могущими быть причастными человеку, является традиционным в восточной патристике (Каппадокийцы, прп. Иоанн Дамаскин и др.). Оно только было дальше развито и более полно выражено Григорием Паламой. Это позволило ему богословски обосновать и утверждать действительность единения с Богом и «обожения» по благодати без впадения в какое бы то ни было пантеистическое смешение тварного с Творцом. В то же время апофатическое учение о непостижимости Божественной сущности оправдывало мистический путь приближения к Богу против более интеллектуальных методов некоторых византийских кругов, подпавших под влияние западной схоластики.

В этой богословской борьбе Палама был не один. Его активно поддерживал весь Афон. Мы можем здесь указать на знаменитый «Святогорский Томос», этот своего рода манифест исихастского движения с изложением всех его главных богословских пунктов, составленный в начале спора афонским монахом Филофеем Коккиносом, будущим Константинопольским Патриархом²³. Он был подписан игуменами Св. Горы на общем собрании в ее столице, Карее. Легко понять значение Афона в общих церковных делах этого периода по большому числу Вселенских Патриархов, бывших до своего избрания на этот пост монахами Св. Горы. Упо-

мянем только некоторых из них, которые оставили след в истории духовности. Каллист I-й, автор «Жития прп. Григория Синаита»²⁴ и других творений, не изданных до сих пор. Уже упомянутый Филофей Коккинос, крещеный еврей, биограф св. Григория Паламы и других современных ему святых; весьма замечательный богослов²⁵ Каллист II-й, глубокий мистический писатель. Он, вероятно, составил в конце XIV века, совместно с Игнатием Ксанфопулом, выдающееся руководство исихастской духовности²⁶. Это сочинение не потеряло своего значения и жизненности даже до настоящего времени. Оно также интересно, как свидетельствующее о том, что духовное водительство на Св. Горе в этот период перешло от больших общежительных монастырей к более мелким монашеским поселениям, именуемым скитами, полуютшельнического типа и с более созерцательными целями. Мы можем также причислить к афонским писателям бывшего императора Иоанна Кантакузина. После своего отречения он постригся в монахи в монастыре Ватопед, на Афоне, под именем Иоасаф. Кроме выдающейся истории исихастского периода, он также оставил несколько богословских трактатов такой ценности, которую трудно ожидать от писаний бывшего императора, даже византийского. К сожалению, нужно сказать, что и эти труды в большей своей части остаются неизданными.

II

Этот период XIV века является, несомненно, наиболее интересным и выдающимся временем в духовной истории Афона. К сожалению, он не продолжался долго. В течение первых веков турецкого владычества Св. Гора не была очень деятельна духовно. Святость, однако, продолжала процветать там, и у нас есть много святых этого периода: прп. Нил (XVII в.), прп. Иерофей (XVII в.), прп. Акакий (XVIII в.) и другие. Но мы не много знаем о них, так как им не пришлось найти таких прекрасных биографов, как их предшественники исихастского периода. Новый тип святых турецкого времени тесно связан с Афоном – новомученики. Это были христиане, замученные турками за их исповедание святой веры. Значительной частью их были афонские монахи, другие вдохновлялись на мученичество монахами. Афонские монахи учили, что христианин, отрекшийся от своей веры и ставший мусульманином (что нередко случалось в эти времена угнетения), не может удовлетвориться частным покаянием в отступничестве, но должен открыто отвергнуть ислам и открыто исповедать христианскую веру пред лицом турок. Такое отвержение ислама магометанином строго каралось турецкими законами: лица, так поступавшие, жестоко умерщвлялись. Святогорское учение о необходимости открытого исповедания породило много мучеников. Некоторые осуждали его как требующее слишком много от человеческой природы. Многие, однако, осуществили его на деле. Оно было выражением преданности афонских монахов своей вере и серьезности, с которой они относились к вопросам, касающимся спасения.

Новый замечательный период начался на Афоне во второй половине XVIII века. Он продолжался до Греческого Восстания (1821 г.) и, может быть, даже далее. Св. Гора вновь заняла руководящее место в духовной жизни православного мира. Мы не имеем здесь в виду основание Богословской Академии на Афоне. Она существовала там в течение некоторых лет под руководством известного греческого ученого XVIII века Евгения Вулгариса (†1816 г.), очень достойного человека с энциклопедическими знаниями, хотя скорее эклектика и, может быть, несколько поверхностного²⁷. Он соединял в себе преданность православным догматам и даже обычаям церковным со склонностью к идеям немецких философов эпохи Просвещения. Нетрудно понять, что его учение, пропитанное философией Вольфа и достаточно отдаленное от святоотеческого предания, встретило сильное противодействие среди афонских монахов, может быть, и неученых, но стоящих ближе к источникам православного учения. Вулгарис был вынужден покинуть Афон и уехать в Россию, где он был хиротонисан во епископа. В России времен Екатерины II-й он нашел более сродную для себя среду, чем на Афоне. Его Академия просуществовала недолго и была заменена более элементарной школой. Большее значение должно быть придано замечательному духовному движению за возрождение подлинных монашеских традиций и возвращение к более глубокому представлению о духовной жизни, имевшему место на Афоне в тот же период. Оно было соединено с именами трех выдающихся греческих личностей: Макария, бывшего епископа Коринфского, Никодима Святогорца и Афанасия Парийского²⁸. Макарий – святой Православной Церкви. Недавно мы с глубоким удовлетворением узнали, что Вселенская Константинопольская Патриархия рассматривает в настоящее время предложение о канонизации также и Никодима Святогорца, весьма почитаемого всеми монахами Афона. Совместно с Макарием он боролся за восстановление древнего духовного созерцательного предания, во многом забытого на Афоне в течение времен. Они считали, что главнейшим путем для достижения нового высокого духовного уровня является изучение подвижнических и мистических отцов, делание Иисусовой молитвы и более частое причащение Св. Таин. Монашеская, и вообще религиозная, жизнь их современников была очень отдалена от их цели, и им пришлось вести большую борьбу в защиту своих взглядов и за их распространение. Особенно много противников даже на Афоне встретил их призыв к

частому причащению. Начался большой и ожесточенный спор. Как это часто, однако, бывает, главное препирательство не столь много касалось самых важных вопросов, как, например, Иисусовой молитвы или частого причащения, но сосредоточилось на второстепенных пунктах, а именно, позволительно ли совершать поминовение умерших в воскресные дни? Как правило, Православная Церковь посвящает памяти усопших субботний день, ибо суббота – день покоя. Однако монахи одного из скитов, занятые в течение седмицы постройкой церкви, перенесли заупокойную службу на воскресенье. Их поступок вызвал осуждение некоторых фанатических групп. Никодим и Макарий выступили на защиту монахов, поминавших усопших по воскресениям. Они доказывали, что для христиан нет несовместимости между смертью и воскресением. Смерть для них более не печальное событие, и потому ее можно вспоминать и в радостный день. Противники вскоре прозвали их насмешливым прозвищем «коливады» (от слова «коливо» – кутья из пшеничных зерен, приносимая в церковь и благословляемая в память усопших). Это ироническое прозвище, данное сторонниками более высокой жизни, напоминает прозвище «омфалоскопы», данное Варлаамом исихастам XIV века. В защиту частого причащения Макарий Коринфский издал в Венеции, в 1777 году, книгу, за которой последовали другие писания Никодима и Афанасия Парийского. Все они были сторонниками более частого причащения, чем это было обычно принято среди монахов и мирских того времени. Другие лица, однако, например, Неофит Кавсокаливский, тоже афонский монах, отвечали в противоположном духе. Вселенская Патриархия заняла, скорее, нерешительное положение в этом споре. Сначала она одобрила книгу Макария, но позже осудила ее, а под конец отменила свое осуждение и оставила вопрос открытым. Великий Патриарх св. Григорий V (повешенный турками в 1821 г.) был убежденным сторонником частого причащения и всегда поддерживал это движение. Он был тесно связан со Святой Горой, где прожил много лет в изгнании. Он много потрудился над восстановлением в больших афонских монастырях общежительного порядка, который во время турецкого владычества был в сильной мере заменен своеобразной системой, называемой «идиоритм». Основные монашеские обеты – послушания и бедности – были ощутительно ослаблены в этом неканоническом строе, разрешающем монахам владеть личной собственностью. «Идиоритмизм» во многом содействовал духовному упадку Афона. До наших дней он составляет одну из самых слабых сторон Святой Горы.

Многое было также сделано для восстановления древнего аскетического предания созерцательной жизни. Никодим был очень плодовитым духовным писателем. Некоторые из его писаний, как, например, «Невидимая брань», обнаруживают влияние западной духовности, а другие его труды имеют большую ценность, например, «Духовное руководство». Эта замечательная книга интересна как попытка дальнейшего развития исихастской аскетической практики. Но самым важным литературным произведением этого периода является, несомненно, «Филокалия» («Добротолюбие»), – замечательный аскетический и мистический сборник, изданный в Венеции, в 1782 году, Никодимом Святогорцем и Макарием Коринфским. Эта духовная хрестоматия сделала доступными для широких кругов православного народа, как монахов, так и мирян, лучшие писания древних отцов, об умной молитве в особенности. До этого времени они были погребены в неизданных рукописях афонских библиотек. Сборник этот был очень скоро переведен на славянский и румынский языки. «Добротолюбие» сильно содействовало оживлению духовной жизни и помогло вернуться к подлинным аскетическим преданиям во всех православных странах. Это особенно верно по отношению к России, где оно было во многих изданиях широко распространено. Первый славянский перевод был сделан Паисием Величковским, выдающейся духовной личностью XVIII столетия. Русский по происхождению, он умер в Румынии, где провел последнюю часть своей жизни как организатор и настоятель больших монастырей. Мы слышали, что Румынская Церковь также рассматривает вопрос о причислении его к лику святых. Жизнь Паисия Величковского ярко освещает всеправославное значение Афона для духовной жизни этого периода. Паисий вначале был монахом

в России. Неудовлетворенный духовными условиями того времени в русских монастырях, он отправился сначала в Румынию, затем на Афон в поисках более высокой духовной жизни. Но и на Афоне сначала он был разочарован тем, что там нашел. Это было до того, как духовное движение «коливадов» успело принести свои плоды. Впоследствии, однако, он лично познакомился с прп. Макарием Коринфским и другими святыми личностями. На него произвели глубокое впечатление их жизнь и их работа по собиранию творений мистических отцов для издания «Добротолюбия». И как только эта книга вышла в свет, он перевел ее на славянский язык. Много исследований было написано о русских духовных руководителях, о старцах XIX века, особенно об Оптинских, но не должно терять из виду того обстоятельства, что источником их был Афон и «коливады» конца XVIII века со св. Макарием Коринфским во главе. Правда, русские старцы приобрели большее влияние на русскую жизнь XIX века, чем греческие «Геронты» в своей собственной стране. Они также имели больше связей с интеллектуальным миром. Для примера мы можем указать на таких лиц, как Достоевский, Гоголь, Киреевский, находившихся под сильным влиянием Оптинских старцев. Тем не менее нечто подобное существовало и в Греции. Двое выдающихся новых греческих писателей, Александр Пападиамандис (†1908) и Александр Мораитидис (†1930), испытали сильное влияние афонских монахов, как в своей жизни, так и в писаниях²⁹. Мораитидис, в особенности, был глубоко религиозным человеком. Его духовником был афонский монах по имени Дионисий. Мораитидис на старости лет сам постригся в монахи в монастыре места своего рождения, на маленьком острове Скиафо, недалеко от Афона. Из русских писателей Константин Леонтьев, оригинальный философ и литератор большого таланта, имел, несомненно, больше всех отношение к Афону. Скорее язычник в первую часть своей жизни, он стал горячим, хотя и своеобразным, православным после посещения Св. Горы в шестидесятых годах прошлого столетия. Он умер послушником Лавры прп. Сергия, близ Москвы³⁰.

III

В каком духовном состоянии находится в настоящее время Афон? Какое место занимает в наши дни Св. Гора в духовной жизни Православной Церкви? Я не имею притязаний дать удовлетворительный ответ на эти вопросы. Столь многие после кратковременного посещения пытались уже разрешить их в своих писаниях. Когда имеешь о чем-либо личный и долгий опыт, то иногда еще труднее сделать определенные заключения и тем более прогноз будущего. Я ограничусь немногими замечаниями.

Афонская Гора переживает в настоящее время острый и опасный кризис с неопределенным исходом. Много причин этого кризиса – как внешних, так и внутренних. При всем своем уединении, Св. Гора все же составляет часть мира и то, что происходит вовне, имеет свое отражение в ее жизни. Самым ярким выражением критического состояния Афона является, конечно, быстрое уменьшение монашеского населения. В начале текущего столетия, перед Первой мировой войной, на Афоне было почти 10 000 монахов. Теперь их меньше двух тысяч. Само по себе это число (2000) еще не так мало. В прошлом, как, например, в XVI–XVII веках, на Афоне часто бывало такое же по численности население. Только в первый период (XI–XII вв.) и во вторую половину XVIII столетия, вплоть до Греческого Восстания 1821 года, а также в начале XX века – население Св. Горы достигало 10 000 монахов и даже более. Тем не менее быстрота уменьшения числа монахов за последние 40 лет является тревожной. Некоторые из причин этого явления, скорее, внешние и даже политические. Афон был отрезан недавними историческими событиями от большей части православного мира. Он был отрезан от России со времен Первой мировой войны и от Балканских православных стран, кроме Греции, со времени Второй мировой войны. В результате Афон стал менее доступен для людей этих стран, чем он был в прошлом. Политика греческого правительства по отношению к национальным меньшинствам обострила еще более этот процесс изоляции Св. Горы. Большие трудности были созданы для лиц не греческого происхождения, желающих стать монахами в Афонских монастырях. Следует с сожалением отметить, что эти меры причинили вред не только славянским и румынским обитателям, но и Св. Горе в целом. Афон никогда в истории не был и не может стать достоянием одной только нации. Он всегда был всеправославным центром монашества, доступным православным людям всех наций. Мы можем здесь напомнить о той значительной роли, которую играли на Афоне грузины – в древний период, сербы – со своим историческим Хилендарским монастырем в XIII–XVI веках, и русские – в XIX веке³¹. Каждая из этих наций сделала большой духовный и культурный вклад (не говорю уже о материальном) в дело процветания Афона, не отнимая от него при этом его преимущественно греческого характера. Ограниченный одной нацией Афон потерял бы свое значение всеправославного центра и скоро пришел бы в упадок. И на самом деле, тот же самый процесс уменьшения населения происходит и в греческих монастырях, хотя и более медленным темпом. В наши дни не находится достаточного числа лиц, приходящих монашествовать на Афон; и из этого числа приходящих лишь часть действительно остается на Св. Горе. Кроме того, за последнее время замечается стремление немалого числа монахов уходить в мир для церковной работы. Что за причины этого печального положения, не существовавшего в прошлом? Прежде всего следует отметить общее ослабление религиозной жизни в наши дни и большую склонность среди верующих, скорее, к деятельной миссионерской работе, чем к созерцательной жизни. Аскетические строгости афонского монашеского устава трудно усваиваются современными людьми, особенно теми, кто избалован современным комфортом. Чувствуется также недостаток в духовном руководстве вообще и, в частности, правильного воспитания послушников в некоторых монастырях. Уклонения от канонического строя и от подлинного отеческого предания, существующие в новой юридической организации Афона, делают возможными боль-

шие несправедливости, которые весьма вредно отражаются на монашеской жизни (например, в отношениях между различными классами монахов в идиоритмических монастырях, равно как и в отношениях между «господствующими» монастырями и их «зависимостями» – келлиями и скитами). Отсутствие богословского образования на Афоне и трудности, встречаемые учеными, когда они хотели бы посвятить себя богословским занятиям в монастырях, – все эти и многие другие причины имели своим последствием то, что монашеское население Афона свелось, главным образом, к пожилым людям, свыше 50-ти или даже 60-ти лет. Трудно сейчас найти кого-нибудь моложе 30-ти лет. В негреческих же монастырях таких лиц совершенно нет. Отсутствие молодых работоспособных монахов создает огромные трудности для монастырей в исполнении церковных служб и всех вообще монастырских работ. Еще более тяжки неблагоприятные духовные последствия этого явления – т. е. отсутствия молодых монахов – в том, что жизнь монастырей становится вялою, бездеятельною, упадочною. Почти то же самое можно сказать и о недостатке образованных людей. Конечно, православное монашество никогда не рассматривало науку и ученость как цель или существенную сторону, или даже оправдание монашеской жизни. Оно всегда было открыто для лиц всех состояний и уровней образования. Никакого различия никогда не делалось между образованными и необразованными среди братьев. И поступая так, восточные монахи находятся ближе к подлинному духу древнего монашества, чем некоторые монашеские ордена на Западе, которые ввели различия между «отцами» и «братьями», основанные главным образом на разнице в уровне образования. Тем не менее когда монашеская община состоит почти исключительно из необразованных людей и они господствуют в ней, то такое положение вещей не может быть благоприятным для духовной жизни. Оно может даже иметь опасные последствия в смысле сохранения подлинных преданий монашества. Как отличны были условия в прошлом, когда Афон среди своих монахов насчитывал столь много высококультурных людей!

И все же, несмотря на только что сказанное, Афон продолжает занимать совершенно исключительное и незаменимое место в духовной жизни Православной Церкви. Это единственное место, где древнее монашеское предание Востока, во всем своем разнообразии, все еще представляет собою, вплоть до наших дней, живую человеческую действительность. Оно господствует там над всей жизнью и придает этой стране свой особый отпечаток. Это одно из немногих мест, где Византийское богослужение все еще совершается в течение всего церковного года во всем его богатстве и красоте. В приходских церквях и даже в монастырях вне Афона мы обыкновенно можем видеть только обрывки полного православного богослужения. Св. Гора – это одно из тех немногих мест во всем мире, где писания и учения таких великих аскетов и мистиков Православной Церкви, как Макарий Великий, прп. Иоанн Лествичник, прп. Симеон Новый Богослов и другие, составляют не только предмет чисто теоретического изучения и исследования немногих ученых-специалистов (патрологов и византологов), но являются живым духовным преданием, такими реальностями, которые глубоко переживаются всем нашим существом и воистину являются нашим насущным духовным хлебом. Мне вспоминается разговор, который я однажды имел на Афоне с одним немецким профессором. Он спросил меня: «Какого рода книги больше всего читают ваши монахи?» В ответ я назвал многих аскетических писателей и среди них прп. Иоанна Лествичника. «Как, – с удивлением воскликнул профессор, у нас только очень немногие высокообразованные люди способны читать такие творения, как Иоанна Лествичника. Ваши монахи должны быть очень образованными людьми». Профессор не мог понять, что когда кто-нибудь принадлежит к живому преданию Церкви, он не нуждается в больших теоретических познаниях для того, чтобы понимать писания, выражающие это предание. И на самом деле, многие необразованные афонские монахи отлично могут читать и понимать не только Лествичника, но даже и Исаака Сирина, и Симеона Нового Богослова, и других отцов, и является фактом величайшего значения, что древнее аскетическое предание Православной Церкви сохраняется живым на Афоне. Для того,

чтобы оценить по достоинству всю значительность этого явления, нужно вспомнить, что большинство современных православных богословов почти совершенно не знает аскетического предания. Они даже не проявляют к православному мистицизму того теоретического интереса, который мы часто видим у многих западных ученых. Нередко они не знают даже имен великих мистиков, почитаемых святыми нашей Православной Церковью. К сожалению, почти то же самое может быть сказано о некоторых современных христианских движениях в Греции и, я предполагаю, в других православных странах также. Я имею в виду такие движения, как «Зои» («Жизнь»), «Актинес» («Лучи») и др., которые сосредоточивают свое внимание на миссионерской работе, на проповеди и на деятельной жизни вообще. Нет сомнений, они проделали большую и ценную работу в своей области, но их отчужденность от православного духовного предания умной молитвы и созерцательной жизни вообще придает всем этим движениям некоторую поверхностность, оставляющую духовно неудовлетворенными многих из их молодых и искренних членов. Так, я помню, как в Афинах один молодой диакон, бывший монах Св. Горы, жаловался мне на ту духовную пустоту, которую он ощущает в своей деятельности в качестве члена одного из таких христианских движений. «И самое худшее, – прибавил он, – что никто из наших руководителей меня не понимает». Он был бы очень рад вернуться обратно на Афон. Несомненно, более тесная связь между современными христианскими движениями и духовным преданием Православной Церкви во многом могла бы помочь этим движениям в их работе по восстановлению исповеди и духовного руководства среди мирян. И здесь Афон мог бы сыграть значительную роль.

Большее значение, чем простое сохранение аскетического предания, имеют его духовные плоды. Они могут быть кратко определены как святость, которая является даром Святого Духа. В ней заключено настоящее оправдание монашеской жизни. Но, спрашивается, можно ли в наше время найти на Афоне святость? Современнику очень трудно дать объективный ответ на этот вопрос. Окончательное суждение об этом принадлежит Церкви. Я же только могу позволить себе выразить в немногих словах мое личное убеждение. На Афоне даже теперь много людей высокой духовной жизни и действительной святости. В течение прожитых мною на Св. Горе лет я встретился со многими отцами разных национальностей, произведшими на меня глубокое впечатление явным присутствием в них благодати Святого Духа. Этот факт для меня вне сомнения. И я могу добавить, что вне Афона я никогда не встречал людей, столь явно просвещенных благодатью. Отцы – монахи, которых я имею в виду, – принадлежат к различным видам монашеской жизни, т. е. и общежительные, и отшельники. В качестве примера святого человека, благоухающего благодатью Святого Духа, я могу указать на монаха Пантелеимоновского монастыря, отца Силуана, скончавшегося в 1938 году³². Вся его жизнь отмечена печатью святости, выражавшейся в его глубоком смирении и любви к людям. Это был, пожалуй, единственный человек из всех, кого я знал, который никогда не осуждал ближнего своего. У него, несомненно, была весьма богатая внутренняя жизнь. Он обладал даром непрестанной умной молитвы. Крестьянин по происхождению, без всякого светского образования, он стяжал исключительную духовную мудрость. Все, кто имел возможность общаться с ним, скоро убеждались в этом. Он был одним из тех духовных отцов, которые способны сказать каждому именно то, в чем он нуждается. После его кончины остались записи, в которых мы находим его духовные размышления и опыт. Язык его писаний иногда, быть может, неискусен, но, несмотря на это, они производят глубочайшее впечатление своею подлинностью и совершенно особым характером. Нередко они достигают высоты древних мистических творений святых отцов. От личного общения с ним многие испытали на себе его сильное и благотворное влияние, изменившее коренным образом всю их дальнейшую жизнь.

В заключение выражу мысль, что подлинное назначение Афона состоит, прежде всего, в том, чтобы порождать такие явления святости, каковым был среди других сей блаженный

старец Силуан. И покамест это продолжается, существование Святой Горы вполне оправдывается, и сохраняется ее великое значение в духовной жизни Вселенской Православной Церкви.

Иеромонах Василий, монастыря св. Пантелеимона на Афоне

Оксфорд, 1952 («Вестник Русского Западно-Европейского Патриаршего экзархата», 1952. № 12. С. 5–23)

Примечания:

1. Доклад, прочитанный 31 января 1952 г. на собрании Оксфордского отделения Содружества муч. Албания и прп. Сергия.

2. Сравнительно хорошая библиография об Афоне указана в статье «Athos», С. Karalevsky, «Dictionnaire d'Histoire et de Geographie Ecclesiastiques», 5 (1931), col. 54–124. Самая библиография занимает в ней колл. 120–124. См. ниже наше замечание об этой статье.

3. Самое подробное исследование о юридическом строе Св. Горы может быть найдено в книге Д. Петракакоса «Монашеское государство Св. Горы», Афины, 1925 (по-гречески). Книга эта несколько тенденциозна в пользу больших («Господствующих») монастырей. Противоположную тенденцию (в пользу малых обителей, «келлий») можно видеть в исследовании Хр. Ктенаса, «Монашеские учреждения Св. Горы», Афины, 1929 (по-гречески).

4. См. прим. 2.

5. Например, Каралевский утверждает, будто бы существующий «Статут» («Канонизм») Св. Горы (1926 г. Текст см. у Петракакоса, а также в отдельном издании) разрешает свободный переход общежительных монастырей в идиоритмические и обратно (колл. 99). В действительности, только переход идиоритмических в общежительные разрешен, в то время как превращение общежительных в идиоритмические запрещено безусловно (ст. 85 «Статута»). Также неверно – будто бы идиоритмические монастыри избегают постригать в «рясофор» (нечто среднее между послушником и монахом, без монашеских обетов). – Колл. 104. Наоборот, идиоритмические монастыри полны рясофорными монахами, которые остаются там в этом состоянии полумирских, полумонахов всю свою жизнь. В греческих общежительных монастырях «рясофор» – явление уже более редкое. В некоторых же греческих монастырях, и особенно в малых греческих обителях, в скитах и келлиях, нередко встречается тенденция единого монашеского пострига – «схима». Среди же русских «рясофор» явление почти общее, но рассматривается он только как период испытания, как временная переходная стадия к постригу. Представления Каралевского о центральном монашеском управлении Св. Горы еще более фантастичны; так, он совершенно не упоминает о «Священном Киноте» и вместо него несколько раз говорит о воображаемой им «Великой Епистасии» (Колл. 90) как о высшем правящем учреждении Афона. В действительности же существует «Священная Епистасия» только как чисто исполнительный, лишенный всякого влияния и инициативы орган «Священного Кинота» (Собрание представителей 20 монастырей), который является высшим правящим учреждением Св. Горы, совместно с «Полугодичным Собранием» представителей тех же монастырей, как законодательным и судебным учреждением. Еще большей полнотой власти обладает так называемое «Священное Двойное Собрание», где каждый монастырь бывает представлен двумя монахами. Интересно отметить, что «Канонизм» 1926 г. не упоминает о «Двойном Собрании», вследствие чего некоторые Афонские Губернаторы (назначаемые в Афинах Греческим Министерством Иностранных Дел) пытались, в своем незнании предания Св. Горы, оспаривать законность «Двойного Собрания». Но в действительности «Собрание» это продолжает обладать наибольшими полномочиями на Св. Горе.

6. R. Dawkins: «The Monks of Athos». London, 1936. Voir compte rendu de ce livre: В. Krivocheine. «Les Legendes de l'Athos». Byzantion, 14 (1939). P. 662–666.

7. Текст у Ph. Meyer: «Die Haupturkunden für die Geschichte der Athosklöster». Leipzig, 1894. P. 141–151. Подлинность успешно доказывается у F. Dolger: «Die Echtheit des "Tragos"». Byzantinische Zeitschrift 41 (1941). P. 340–350.

8. См.: Н. G. Beck. «Die Benedictiner Regel auf dem Athos». Byz. Zeitschrift, 44 (1951). P. 21–24.

9. Самая древняя версия его жития издана М. Помяловским. СПб., 1895.

10. См. греческий текст у Kirsopp Lake: «The Early Days of Monasticism on Mount Athos». Oxford, 1909. P. 18–39.

11. Migne P. G. 150. 996–1040.

12. Самая последняя книга о нем: Hermenegild M. Biedermann. «Das Menschenbild bei Symeon dem Jüngeren dem Theologen». Würzburg. 1949. Как и все предыдущие работы о прп. Симеоне, она не основывается на греческом подлиннике его «Слов», который до сих пор еще не издан, но который мы вскоре надеемся опубликовать в сотрудничестве с проф. J. Hussey.

13. По истории Иисусовой молитвы см.: «Un moine de l'Eglise d'Orient. La Prière de Jesus. La genese et son developpement dans la tradition byzantinoslave». Irenikon, 20 (1947). P. 249–273; 381–421. И также наш доклад на Патристическом съезде в Оксфорде (1951): «Дата традиционного текста «Иисусовой молитвы»» (Русский перевод опубликован в № 10 «Вестника Русского Западно-Европейского Патриаршего Экзархата». С. 35–38).

14. Такое мнение мы находим в статье J. Hausherr: «Note sur l'inventeur de la methode d'oraison hesychaste». – Orientalia Christiana, 20 (1930). P. 179–182. По-видимому, того же мнения держится и автор «La Prière de Jesus» (P. 272).

15. Греческий подлинник см.: J. Hausherr. Orientalia Christiana, 9 (1927).

16. P. G. 147. 945–966.

17. Митрополитом Евлогием Куриллой и Ф. Халкиным (F. Halkin) в «Analecta Bollandiana», 54 (1936). P. 42–109.

18. Английский перевод его творений (с сирийского подлинника): «Mystic Treatises by Isaac of Nineveh». Translated from... Syriac Text... by A. J. Wensinck. Verbandelingen der K. Akademies... Amsterdam. Nieuwe Reeks. Deel XXIII. Amsterdam. 1923.

19. Новые работы о св. Григории Паламе: 1) M. Jugie: «Palamas» Dictionnaire de Theologie Cath., 12 (1932), col. 1735–1776. 2) M. Jugie: «Palamite (Controverse)», ibid., col. 1777–1818. 3) Монах Василий (Кривошеин): «Аскетическое и богословское учение св. Григория Паламы». Seminarium Kondakovianum, 8 (1936). P. 99–154. 4) V. Lossky: «La Theologie de la Lumiere chez SaintGregoire de Thessalonique» – «Dieu Vivant», (1945). P. 95–118. 5) Архим. Киприан: «Антропология св. Григория Паламы». Париж. 1950 г.

20. См. статью: «La Prière de Jesus». P. 388.

21. «Слово на св. Крещение» – P. G. 36. 365 A.

22. P. G. 96. 565 A.

23. P. G. 150. 1225–1236.

24. Издано М. Помяловским. СПб., 1894 г.

25. См. о нем интересную статью: V. Laurent: «Dict. de Theologie Catholique», 12 (1934), col. 1408–1509. Его «Житие св. Германа Святогорца» было недавно издано П. Иоанну, «Analecta Bollandiana», 70 (1952). P. 50–114.

26. P. G. 147. 636–812. См. также: A. M. Amann. «Die Gottesschau im palamitischen Hesychasmus»: «Das ostliche Christentum». N. F. 3/4. 2 Aufl. Würzburg. 1948.

27. См. о нем: Д. К. «Начинатели естественных наук в Греции», в журнале «Актинес», 6 (1943). Афины. С. 92–98 (по-гречески).

28. В высшей степени интересная статья об этом периоде: Г. Веритис. «Перевоспитательное движение Коливадов и оба Александра из Скиафо» в «Актинес», 6 (1943). С. 99–110 (по-гречески).

29. См. Веритиса в предыдущем примечании.
30. См. о нем книгу Н. Бердяева: «Константин Леонтьев». Париж.
31. О русских на Афоне, см. А. Soloviev: «Histoire du Monast'ere Russe au Mont Athos». – *Byzantion*, 8 (1933), 213–238. Была издана и в русском переводе.
32. См. о нем замечательную книгу: Иеромонах Софроний. «Старец Силуан». Париж, 1952.

Письма к родным

1. Письмо матери из Константинополя¹

1 октября 1920 г.

Дорогая мама,¹

Не понимаю почему теряются все твои письма. Единственное твоё письмо было от 22 августа и с тех пор ни слова. Пиши мне лучше на Русское посольство полковнику Чайковскому.

Константинополь мне, конечно, надоел. Турецкое искусство малоинтересно, это только подражание Византии. В нём нет утончённости, но зато большая грандиозность. Издали мечети красивые, но вблизи и внутри почти всегда разочаровываешься. Но все эти купола и минареты придают Стамбулу несравненную живописность. Резко выделяется на этом фоне св. София. Это действительно чудо искусства.

В прошлую пятницу был на селямлики. Это еженедельный выезд Султана из дворца на молитву в мечеть. При этом бывает огромное скопление народа, войска в ярких одеждах, кавалерия на чудных лошадях. Приятно смотреть на их полк. У Султана вид настоящего монарха: несмотря на старость и болезненность, у него много величия; видна старая раса. Забавно мне было наблюдать, как за его экипажем плетутся министры, а войска постоянно трижды кричат «халиф!».

Мечтаю, дорогая мама, отсюда уехать хоть куда-нибудь. Лучше в Крым, а если нет, то в Париж. Здесь мне оставаться бессмысленно. Единственное моё утешение – это стихи Gautier (Готье). Бодлер правильно его назвал «poète impéccable» (безупречный поэт). Я скоро буду знать наизусть всю его книгу. Помнишь ли ты его стихотворение «Coquetterie posthume» («Посмертное кокетство»)? Ни с чем не сравнимо. Как бы я рад быть с тобою в Париже! Как надоели мне эти болтания по варварскому востоку. Я теперь ненавижу всяческую экзотику. Ничто так не приедается, как она.

Струве обещает устроить меня в Оксфорд. Это так хорошо, что я не смею даже мечтать. Скорей бы уехать отсюда!

Целую тебя и Киру².

Гика³

P.S. Уже 8 месяцев, как я уехал из России!

От папы письма получаю. От тебя ни разу.

Примечания:

1. Мать владыки Василия – Елена Геннадиевна Кривошеина, урождённая Карпова (1870–1942, Париж). Дочь профессора истории Императорского Московского университета Г.Ф. Карпова, племянника Саввы Морозова (ее мать, Анна Тимофеевна Карпова, урожд. Морозова, – младшая сестра мецената).

2. Кира – младший брат. Кирилл Александрович Кривошеин, рожд. 19.04.1903, Петербург – 30.05.1977, Мадрид. В эмиграции с 1920 г., служил в Банке «Лионский кредит» – Париж. Участник французского Сопротивления. Награжден французским правительством. Автор книги об отце «А.В. Кривошеин (1857–1921). Его значение в истории России начала XX века», Париж, 1973 г.

¹ В письмах сохранен стиль монаха Василия.

3. Гика – детское и семейное прозвище владыки Василия.

2. Письмо Ольге Васильевне Морозовой

(К этому письму приложена открытка с видом на Русский Монастырь на св. Афонской Горе)

Св. Афон Рус. Пантелеимонов Монастырь 1 января 1926 г.

Милая и дорогая моя тётя¹!

Спешу уведомить тебя, что я на днях получил твоё письмо с выражением родственных чувств твоих, этим был глубоко тронут. Сердечно благодарю за твою любовь и дорогую для меня ласку. Искренне рад и душевно признателен тебе, милая тетя, за твоё всегдашнее доброе участие в моей судьбе и жизни, которая сложилась столь чудным образом, что Царица Небесная благоволила и меня принять под Свой благодатный покров вместе с насельниками Ея земного корабля(не разборчиво) – св. Афонской Горы. Такое событие в моей жизни приписываю твоим родственным сердечным обо мне молитвам. Спаси тебя Царица Небесная!

В свою очередь и я буду до конца моей жизни о тебе искренний богомолец и благодарный племянник твой, недостойный послушник Всеволод.

Примечание:

1. Ольга Васильевна Морозова – тетушка. Урожденная Кривошеина (20.05.1866, Варшава – 12.09.1953, Париж). Родная сестра Александра Васильевича Кривошеина, отца владыки Василия. Она вышла замуж за Сергея Тимофеевича Морозова, младшего брата Саввы Морозова. Таким странным образом семья Кривошеиных дважды находится в родстве с Морозовыми (см. выше).

3. Письмо О.В. Морозовой

11 июля 1926 ст. ст. Св. Афон Рус. Монастырь Св. Вел. Пантелеимона

Дорогая Тётя!

Сегодня день твоего Ангела. Поздравляю и молитвенно желаю, чтобы предстательством твоей Небесной Покровительницы, Блаженной княгини Ольги, получить тебе от Господа Бога великую и богатую милость – мир душевный, телесное здоровье и вечное спасение. Мой духовник, отец Архимандрит Кирик, по моей просьбе, служил молебен св. Блаженной княгине Ольге о твоём здравии и спасении как о имениннице, и затем мы поздравляем тебя заочно в сердце своём.

Передай моё поклонение С.Т.¹ с пожеланием молитвенным всего доброго и спасительного.

Я, слава Богу, вполне здоров и мирен... Да помогает тебе Господь Бог и Пречистая Матерь Его во всех делах и начинаниях благих.

О сем бо и есмь и пребуду твой племянник монах Валентин

Примечание:

1. С.Т. – Сергей Тимофеевич Морозов. Родной брат мецената Саввы Морозова и муж Ольги Васильевны Кривошеиной. Скончался в Париже и похоронен вместе со своей супругой, на знаменитом русском кладбище Сен-Женевьев-де-Буа, под Парижем.

4. Письмо матери

17/30 января 1932 г. преп. Антония Великого

Дорогая мама, милость Господня да будет с тобою!

Получил на днях твое письмо. Прости, что не поздравил тебя с Праздниками: сначала было много другой работы, а потом уже оказалось поздно... У нас Праздники прошли по-обычному. Особенно только праздновалась память преподобного Серафима Саровского (по случаю столетия его смерти). Обычно в этот день бывает полиелей (надеюсь, что, пожив в Обители Нечаянной Радости, ты разбираешься в разных видах богослужения и в их названиях), в этом году было устроено торжественное бдение. В другие годы мы не устраиваем бдения 2 января, так как накануне бывает бдение святителю Василию Великому, но в этом году было совершено два бдения подряд: святителю Василию Великому (1 января) и преподобному Серафиму Саровскому (2 января). Тем не менее, бдение преподобному чудотворцу Серафиму Саровскому (совпавшее с воскресной службой) прошло очень легко и радостно, в настроении почти пасхальном... Так велика благодать, дарованная ему Богом, что даже молиться ему легко.

Очень рад, что тебе удалось побывать на главных праздничных службах; грустно, конечно, что служба в банке препятствует Кире бывать в церкви в рабочие дни, но что поделывать: слава Богу, что ему удастся ходить в церковь хотя бы по воскресеньям и что у него есть к тому сердечное желание; а Господь смотрит на сердце, на внутреннее произволение, а не на внешнее его выполнение (когда это не в нашей воле).

Здесь мы избалованы церковными службами и как бы погружены в эту атмосферу церковности, а потому мало ее замечаем и даже, увы, недостаточно ценим. Но когда случается побывать в миру, то начинаешь ощущать, какого источника благодати мы лишаемся без церкви!

«Путь к спасению» вышлю, как только получу деньги. Вышлю тебе также и жизнеописание Божией Матери. Отдельной платы за эту книгу не надо, вполне достаточно, если ты вышлешь деньги за кресты (да и то если тебе это не трудно).

Мне кажется, что ты поступила правильно, поселившись вместе с Кирой¹ и оставив Обитель Нечаянной Радости. Жить тебе там было не по силам (а значит, и не в пользу), а монахини из тебя всё равно не вышло бы – в твоём возрасте слишком трудно полагать начало. В древности, правда, были тому примеры. Так, преподобный Павел Препростый пошёл в монахи 66 лет и быстро достиг великой святости, так что по силе чудотворений превосходил самого Великого Антония, учеником которого был. Но это особые благодатные случаи, им подражать неразумно (по словам преподобного Иоанна Лествичника), а общий опыт нашего времени показывает, что людям, перешедшим известный возраст, почти невозможно стать монахами. Вот почему в некоторых греческих монастырях Святой Горы существует правило не принимать никого свыше 35 лет. Очень рад был от тебя слышать, что в Обители Нечаянной Радости ведётся строгая жизнь.

Частица мощей Святого Великомученика Пантелеимона (о которой ты пишешь) пожертвована Карпатской Православной Миссии нашим Монастырём в 1931 году (игумену о. Серафиму Иванову, приехавшему к нам тогда на Пасху). О православном движении на Карпатах я хорошо осведомлён, ибо в нашем монастыре живёт 21 монах из Карпатской Руси. Они бывшие униаты, много пострадавшие за Православие и непризнание унии. Все они сравнительно молодые люди (26–40 лет), из крестьян, очень ревностные православные и хорошие монахи. К нам они поступили в 1922–28 гг. и продолжали бы поступать и сейчас, если бы греческое правительство не запретило бы им этого. Им просто отказывают в визе! А помимо их поступления в Монастырь почти никого нет.

За истёкший 1932 год опять умерло 20 человек, остаётся братии всего около 380 человек. Беженцев к нам поступило за всё время сравнительно мало, сейчас у нас в монастыре их около 10 человек. Несколько больше в других обителях и келиях (вместе взятых).

О моём здоровье не беспокойся – слава Богу, я вполне здоров и за все эти годы почти не болел (серьёзно). В первое время мне было трудно переносить летом жару, но потом я к этому привык. Единственное, что иногда болит, – это зубы, но я их лечу, здесь это возможно.

Трудности монашества не столько во внешних тяготах (пост, продолжительные богослужения и т. д.), сколько во внутренней душевной брани. А ещё в умении извлекать душевную пользу и поддерживать «божественное желание» в обычном ходе монастырской повседневной жизни. Всё опять сводится к «стяжанию Духа Святого» – в чём преподобный Симеон Новый Богослов и преподобный Серафим Саровский усматривают цель всей духовной жизни и даже условие нашего спасения!

Не могу сказать, чтобы я хоть сколько-нибудь преуспел на этом пути. Характер мой за эти годы почти не изменился сравнительно с тем, что было в миру. Больше читаю о духовной жизни, нежели прохожу её на деле. Читаю вообще много и в ущерб молитве. Хорошо только, что в монастыре имеются некоторые старцы большой духовной жизни (большой частью простые монахи – как, например, о. Силуан) – от них можно многому научиться.

Сейчас зима, на горах снег. Никаких гостей в это время года (от Покрова до Пасхи) не бывает. А там опять пойдут иностранцы всех национальностей – мне с ними приходится «возиться» (таково моё послушание). Среди них иногда попадаются люди с духовными запросами и интересом к Православию. Но таких мало.

Прошу твоих святых молитв.

Твой сын недостойный монах Василий, твой смиренный богомолец

Примечание:

1. Кира – Кирилл Александрович Кривошеин, самый младший из пяти братьев Кривошеиных (см. выше).

5. Письмо Елене Геннадиевне Кривошеиной

1/14 дек. 1938 г.

Афон, Св. Гора, Русский Монастырь Св. Пантелеимона

Дорогая Мама!

Посылаю тебе для о. Чекана иконы, какие имеются (остальных не оказалось). Эти иконы могут быть высланы в сравнительно большом количестве экземпляров. Цена 1 франк за каждую. Сейчас высылаю 10 штук (десять).

Книг, которые хотел бы иметь о. Чекан для продажи, нет. Вообще, с пересылкой книг сейчас очень сложно. Надеюсь, однако, что этот вопрос скоро уладится.

Я очень рад, что ты теперь живёшь ближе к церкви и имеешь возможность туда чаще ходить. У нас всё по-прежнему.

Молись обо мне,

Твой сын монах Василий

6. Письмо матери

31 авг./13 сент. 1939 г. Св. Гора Афон Дорогая мама!

Не знаю, куда тебе писать, тем более, куда писать Кире?

Из Франции, со времени известных событий, я не получаю ни одного письма. Надеюсь, что почта восстановится. Я всё время непрестанно думаю о вас всех, особенно о Кире. Молюсь о нём и о всех вас. Пожалуйста, пиши. Написал тебе на парижский адрес, не знаю, дойдёт ли. У нас всё Слава Богу, спокойно и мирно. Но будущее неизвестно, как впрочем и повсюду в мире. Надо молиться о скорейшем мире. У нас сейчас здесь о. Кассиан Б., очень бы было хорошо, если бы ему удалось остаться здесь подольше. С нетерпением жду от тебя известий о том, что происходит в Европе. О событиях узнаём поздно, но сведения о них даются объективные. Как Игорь?¹ Как т. Оля?

Молюсь о всех вас. Молись о мне.

Твой сын м. Василий

Примечание:

1. Игорь – Игорь Александрович Кривошеин (22.02.1899, Петербург–8.08.1987, Париж), третий из пяти братьев Кривошеиных. Офицер, инженер, участник и герой французского Сопротивления, узник Бухенвальда и советских концлагерей. Похоронен на русском кладбище Сен-Женевьев-де-Буа, под Парижем, в одной могиле с женой Ниной Алексеевной Кривошеиной (урожд. Мещерской), автором книги об эмиграции «Четыре трети нашей жизни», Париж, ИМКА 1984, Москва, изд. «Русский путь», 1999 г.

7. Письмо матери

(Это письмо написано по-французски, из опасения быть изъятым военной цензурой Франции)

Русский монастырь Св. Пантелеимона 19 ноября/2 декабря 1939 г.

АФОН

Дорогая мама,

Я благополучно получил твою открытку от 29 октября, а также открытку от Игоря от 5 ноября. Я уже ответил Игорю и надеюсь, что он получит моё письмо. К сожалению, от Кирилла¹ до меня дошла только одна открытка, датированная 25 сентября, и с тех пор, как он пребывает в армии, я больше ничего от него не получал. Я писал ему много раз, но боюсь, что его письма теряются в дороге. Может быть, будет лучше, если он будет посылать их не напрямую ко мне, а через тебя (через Париж). Во всяком случае, я прошу тебя сообщать мне время от времени, что происходит с Кириллом и где он, так как я совершенно без каких-либо новостей от него самого. Между прочим, я хочу тебе заметить, что твоя последняя открытка пришла с пометкой и печатью «просмотрено французской военной цензурой». Это впервые, что письмо из Франции приходит сюда с подобной отметкой.

У нас здесь, слава Богу, всё спокойно и тихо. Отец Кассиан кланяется тебе. Я очень надеюсь, что он сможет здесь остаться на время войны, хотя до сих пор ему не дали постоянной визы. За исключением его у нас с начала войны не было никаких иностранных посетителей. Вместе с тем, я продолжаю получать письма от самых разных людей. Из этих писем я могу сделать заключение, что даже сейчас в воюющих странах есть люди, которые продолжают живо интересоваться богословием, монашеством и патрологией Православной Церкви. Некоторые из них пишут мне, что мой текст о Григории Паламе заставляет задумываться их о самых разных вопросах.

Ты мне пишешь, что иногда ты ходишь в католическую церковь.² Я не могу сказать, что мне это очень нравится. Сегодня Римско-католическая Церковь принимает активное участие в варварских и бессмысленных преследованиях по отношению к Православной Церкви,

особенно в одной из европейских стран³ (множество церквей разрушено, деревни сожжены, попрано Святое Причастие). Именно поэтому все духовные контакты с представителями католичества, на данный момент мне кажутся затруднёнными. Между тем, у меня самого много друзей среди католиков, НО: 1) это касается друзей (их мало), у которых особое отношение и связь с Православием; 2) это те, кто ходит в нашу Церковь, здесь на Св. Горе, а не мы к ним. С тех пор, как я стал монахом, я не разу не присутствовал на службах не православных. Во всяком случае, если ты всё же будешь посещать католический храм, постарайся держаться в нём так, чтобы не быть похожей на католичку (т. е.: не окунаешь руку в освящённую воду, не причащаться, не креститься на латинский манер, не становиться при молитве на одно колено). Все эти «детали», могут показаться тебе вторичными и не столь важными, но вместе с тем, это вторичное очень важно, так как является символическим выражением принадлежности к той или иной религии. Несмотря ни на что, я понимаю и принимаю, что ты посещаешь церковь римско-католического обряда, а не Восточную (униатскую). Этот обряд для православного человека представляется совершенно не допустимым и даже постыдным, так как этот пресловутый Восточный обряд есть не что иное, как бесчестная и вероломная боевая организация, действующая против Православной Церкви. Я также думаю, что нужно избежать брать Никиту⁴ в католический храм и найти возможность посещать православные службы.

Но вместе с тем, дорогая мама, то, о чём я тебе написал выше, не должно создать впечатление ни у тебя, ни у других, что я являюсь врагом Римско-Католической Церкви! Римские «кафолики» – тоже христиане, хоть и отделены от Святой Апостольской подлинной кафолической (правоверно-православной Церкви, несмотря на то, что они пребывают в схизме, они сохранили некую благодать и, быть может, у них даже есть подлинные Святые. Их учения ближе к нашему, чем учения других христианских конфессий. Тем не менее, они потеряли полноту Истины, и многие их верования (непогрешимость Папы и др.) нам представляются противохристианскими и основанными на лжи; их враждебность по отношению к Православию, жестокие преследования по отношению к нашей Св. Церкви всюду, где это возможно, показывают, что их не всегда вдохновляет и не всегда ими руководит Святой Дух, а, скорее, дух тьмы. Во всяком случае, отдельными личностями. И даже несмотря на всё это, я предпочитаю римских католиков безбожникам и «вольнодумцам». Более того, во время гражданской войны в Испании, все мои мысли и симпатии на 100 % были на стороне генерала Франко (то есть на стороне католиков!). Но если Господь послал нам такую уникальную возможность принадлежать к Его истинной Церкви, мы должны понимать и сознавать всю возложенную на нас ответственность и, более того, мы не должны потерять благодать Божию из-за нашего равнодушия, невежественности и из-за отсутствия рвения. Исходя из этого, жизнь православного человека в окружении других верующих (тоже христиан) должна быть всегда (в пределах наших сил и возможностей) свидетельством Православия. Оставим в стороне споры и критику других (эти бессмысленные занятия предоставим папистам), а потому в первую очередь нужно обратиться и напомнить об истинных идеях и настоящих целях Православия: о наших Святых, наших догмах, о нашем учении Церкви, нашей духовности и богословии, а также о страданиях и мученичестве Русской Православной Церкви XX-го столетия у нас на родине. В особенности вся наша жизнь должна быть в полном согласии с православным учением, и не только в плане духовном, но и в плане догматическом (две эти вещи есть как бы два аспекта одной правды и единой реальности). Догматы есть основа и источник духовности; таким образом, действия, казалось бы, незначительные, как, например, «окунаешь руку в освящённую воду» – приобретают глубокое значение.

На днях я получил из Лондона письмо от господина Шелли. Он просит передать тебе наилучшие пожелания. Летом, в августе 1939 года, он был в Париже и поехал навестить тебя в Севр⁵, но не застал тебя и, к сожалению, никто, не мог дать твой новый адрес. Он написал мне,

что отец Николай Гибс (бывший губернёр наследника царевича Алексея), находится сейчас в Лондоне, является настоятелем английского православного прихода и часто свершает православную литургию по-английски.

Храни и защити тебя Господь, дорогая мама! Молись за меня,

Твой сын, монах Василий.

P.S. Я получил также одно письмо от тёти Оли и ответил на него.

Примечания:

1. Младший брат Кирилл Кривошеин, был призван во Французскую армию в 1939 году.
2. Семья Кривошеиных в это время находилась (как и многие французы) в эвакуации в Нормандии, где не было православного храма.
3. Вероятнее всего, имеются в виду пограничные конфликты между верующими Польши и Украины.
4. Никита Игоревич Кривошеин, сын Игоря, единственный и любимый племянник владыки Василия. Родился в 1934 г. в Булонь-Бианкур, Франция. Живет и работает в Париже, литератор, синхронный переводчик в ООН, Совете Европы и др.
5. В Севре был семейный дом Кривошеиных.

8. Письмо матери

23 янв./5 февраля 1940 г. Святая Гора Афон, Греция

Вчера, во время ранней литургии, тихо скончался наш Игумен о. Архимандрит Мисаил. Ему было свыше 87 лет. Последние 5 лет он был наполовину парализован, но сохранял вполне ясность сознания. Болел перед смертью несколько дней. Был сильный жар. Ежедневно приобщался. Похороны завтра. Будет архиерей. В Монастыре всё тихо и благополучно, Бог даст, не будет никаких препятствий извне в утверждении нового игумена о. Лустина.

Покойного Игумена все очень любили и огорчены его кончиной. Но да будет воля Господня... Пишу тебе по-русски, ибо из Франции здесь постоянно получают письма все по-русски и так же туда пишем. Было бы странно только с тобой переписываться по-французски. Отец Кассиан уезжает в Афины: пока не дают разрешения жить на Афоне.

Господь да хранит тебя,

Твой сын м. В.

9. Письмо брату И.А. Кривошеину в Москву

4, Marston Street Oxford. 9 июня 1956 г.

Дорогой Игорь¹,

Кира сообщил мне твой новый адрес и написал мне, что ты был бы рад со мною переписываться. Я тоже, конечно, очень этому рад во всех отношениях. Более того: я надеюсь сравнительно скоро с тобою увидеться. Дело в том, что в конце этого лета (августе – сентябре, точно неизвестно) поедет в Москву, по приглашению Свят. Патриарха Алексия, делегация от Западно-Европейского Экзархата Русской Церкви. В числе членов этой делегации назначен и я, чему, конечно, очень рад. («Назначен» я Экзархом Московской Патриархии в Париже архиепископом Николаем, но надеюсь, что возражений против моей поездки не будет, хотя точная дата поездки делегации тоже ещё неизвестна.) Я буду очень счастлив побывать после стольких лет у себя на родине и, прежде всего, ознакомиться с жизнью Русской Церкви, с

постановкой богословского образования и с работой Духовных Академий в частности. Мне пришлось в прошлом году встречаться в Лондоне с членами церковной делегации из Советского Союза, а также с участниками Международного съезда патрологов в Оксфорде, профессорами Ленинградской Духовной Академии. Так отраднo, что в настоящее время стали возможны такие встречи и что мы чувствуем себя менее оторванными от того, что происходит на родине. Это верно вообще, а в частности распространяется и на церковные отношения, и на богословскую науку. Дай Бог, чтобы в дальнейшем эти связи укреплялись и расширялись!

Вот уже более пяти лет, как я живу в Англии. Здесь у нас небольшая православная церковь, юрисдикции Московской Патриархии. Помещается она в комнате того же дома, где я живу. Православных здесь немного, в церкви по воскресеньям бывает 15–25 человек (на Пасху 60), самых разных национальностей – русские, сербы, греки, англичане. Так что приходится служить (в зависимости от состава присутствующих) на трёх языках: церковно-славянском, греческом и английском. То же самое с проповедью. Ходит к нам довольно много студентов-англичан, иногда устраиваем у нас всю литургию по-английски, а иногда ездю по приглашению в другие церкви (ездил, например, в Кембридж). Вообще, стараемся ознакомить англичан с Православием.

После церкви и связанной с ней церковной деятельности мой главный интерес – богословская наука. В частности – патристика, то есть наука об отцах Церкви, их творениях, идеях, учении и т. д. Конечно, меня прежде всего интересуют греческие и византийские отцы (I–XV веков), и среди них – аскетические и мистические писатели. «Византийская мистика» – вот, если хочешь, моя «ученая специальность». Еще более точно: прп. Симеон Новый Богослов, величайший византийский мистик (X–XI веков) и замечательный в литературном отношении писатель. Вот уже почти пять лет, как я работаю над изданием его творений, до сих пор ещё не изданных в их греческом оригинальном тексте. Приходится работать по рукописям (XI–XII вв.), которые разбросаны в библиотеках многих стран. С целью изучения этих рукописей я ездил в Париж и Рим, но главным образом я работаю по микрофильмам с рукописей прп. Симеона Н. Богослова. Кстати, в Москве в Историческом музее имеется одна интереснейшая рукопись прп. Симеона Н. Б., и я надеюсь, если Бог даст, побывать в Москве, изучить её основательно на месте. Получить с неё микрофильмы мне, к сожалению, не удалось. Такая работа по критическому изданию греческого текста очень кропотлива и заняла у меня много времени, ибо возникло очень много научных проблем относительно текста и т. д., но я рад, что работаю над чем-то новым, по источникам, над которыми никто ещё как следует не работал. Сейчас эта работа подходит к концу, и я надеюсь издать её во Франции: греческий текст (самое важное), введение, французский перевод и т. д. Получится два или три довольно толстых тома. Мне пришлось уже сделать целый ряд докладов о прп. Симеоне Новом Богослове (в частности, в прошлом году на съезде патрологов), большая часть которых была напечатана потом в виде статей. Но, конечно, хотя прп. Симеон Новый Богослов – мой главный интерес, всё, что касается патристики, меня живо интересует (сейчас, например, много работаю над Оригеном, который меня интересует как толкователь Писания и один из основоположников духовного учения Восточной Церкви). Ещё более интересуюсь св. Григорием Нисским, одним из величайших мистиков древнего периода. Русская религиозная философия интересует меня значительно меньше, чем патристическая мысль, хотя всецело отвергать её я, конечно, не могу. В ней тоже есть много ценного, но много и неудачного и сомнительного. Англиканством и его отношением к Православной Церкви я специально не занимался (нет времени!), но практически мне пришлось многое увидеть и многому научиться. Образовалось много знакомых, но большого интереса ко греческим отцам и вообще к византиноведению в Англии нет. Во Франции куда больше!

Кончаю на этом моё слишком длинное письмо. Был бы очень рад получить от тебя ответ и узнать, как ты живешь. Передай, пожалуйста, мой поклон Нине Алексеевне. Обнимаю Никиту. Дай Бог тебе всего доброго. Поздравляю тебя с твоими именинами.

Твой брат иеромонах Василий.

Примечание:

1. Со своим братом Игорем владыка не виделся более двадцати лет. Поэтому предстоящая встреча была огромным событием в их жизни.

10. Письмо брату

Oxford,

10 июля 1956 г.

Дорогой Игорь.

Был, конечно, очень рад получить твоё письмо. Благодарю тебя за сведения о времени приезда церковной делегации в Москву, сообщённые тебе Вл. Николаем. В Париже в Экзархате ничего ещё точно не знают, ибо до сих пор Патриархия ещё ничего не отправила письменно о времени приезда делегации и т. д. Надеюсь, однако, что всё устроится благополучно и что затруднений с визой на поездку мне не будет. Конечно, это дело Патриархии хлопотать о визе, и я сам никаких шагов не предпринимаю.

Очень также благодарен Вл. Николаю за его внимательное отношение к моей работе о прп. Симеоне Новом Богослове. Материалы, оставленные покойным профессором Ленинградской Духовной Академии (Аникиным?), о которых говорил тебе Вл. Николай, могут содержать кое-что интересное, и я буду рад с ними ознакомиться. Во всяком случае я благодарен Вл. Николаю за его трогательное отношение. В научном отношении, однако, мой главный интерес – рукопись в Московском Историческом музее. Она довольно длинная, и если мне не удастся её сфотографировать, мне нужно просидеть 10–15 дней над её изучением. 8 страниц фотографий этой рукописи мне недавно прислали из Москвы, но это недостаточно.

Ничего другого сейчас не пишу, ибо надеюсь увидеть тебя лично, да и Кира, который через три дня уезжает из Парижа, многое мне расскажет. Скажу только одно – не исключена возможность, что осенью этого года я перееду в Париж, ибо мне там предлагают научную работу в CNRS (Национальный Научный Исследовательский Центр). Вся работа будет сводиться к подготовке издания творений прп. Симеона Нового Богослова, т. е. то, что я делаю сейчас и что меня интересует (и за это я буду получать стипендию от этого научного учреждения).

Во Франции мне будет также легче следить за печатаньем моей книги, она будет здесь издана. В церковном отношении во Франции лучше, ибо там много православных, церковная жизнь лучше организована. Вообще умственная и культурная обстановка Франции мне гораздо ближе, там несравненно больше интереса к патристике и византиноведению, чем в Англии. Вообще, французы интеллектуально намного выше англичан и ближе мне по духу. Но всё же я колеблюсь: не говорю уже о том, что переезд – сложное дело (одних книг у меня накопилось столько за эти 5 лет, что не знаешь, что с ними делать). Англия более свободная страна, чем Франция, здесь меньше полицейского произвола, власти и общество лучше относятся к Московской Патриархии. Условия научной работы здесь тоже хорошие (но библиотеки в Париже для меня лучше), жалко бросать здешнюю церковь(а во Франции будет больше церковной работы). Архиепископ Николай (экзарх в Париже) предпочитал бы, чтобы я жил в Париже, но не настаивает и оставляет это на мое усмотрение. Вот какие передо мной дилеммы и задачи. Во всяком случае, до возвращения из Москвы я определенного решения не приму.

Кончаю на этом. Целую тебя и всех.
Твой брат иер. Василий.

11. Письмо брату

4, Marston Street, Oxford, England 8 сентября 1956 г.

Дорогой Игорь,

Вот уже две недели, как я выехал из Москвы и благополучно вернулся сюда, до сих пор, однако, нахожусь под сильным впечатлением того, что я видел и слышал в Советском Союзе. Как естественно, все с большим интересом спрашивают меня о моих впечатлениях, о религиозной жизни в России, о положении Православной Церкви, о духовном образовании и т. д. Рассказываю всем искренне и объективно, что видел и смог узнать. Мне даже пришлось выступать на конференции содружества св. Албания и прп. Сергия на эту тему и отвечать на вопросы. Приглашен теперь и в Лондон, также рассказать на одном собрании о поездке нашей делегации.

На обратном пути я останавливался на четыре дня в Париже, виделся с Кирой и много с ним говорил. Пока что я решил продолжать жить большую часть времени в Англии, но приезжать от времени до времени в Париж, где у меня продолжается работа по изучению рукописей прп. Симеона Нового Богослова.

Ещё раз хочу выразить тебе, как я рад был и счастлив с тобою увидеться в Москве и как я благодарен тебе за всё. Единственное моё огорчение – это то, что мне не пришлось увидеться с Ниной Алексеевной и с Никитой. Твердо надеюсь, с ними повидаться в следующий раз, когда Бог вновь приведет побывать в Москве.

Поклон Нине Алексеевне. Обнимаю Никиту.

Да хранит тебя Господь.

Твой брат иеромонах Василий.

12. Письмо в Москву племяннику Никите Игоревичу Кривошеину

Oxford, England 25 декабря 1956 г.

Дорогой Никита!

Был очень рад прочитать твою приписку к письму. Я тоже очень сожалею, что нам не удалось встретиться и поговорить во время моего пребывания этим летом в Москве. Думаю, что тебе было бы интересно поговорить и с некоторыми другими членами нашей делегации, как, например, Оливье Клеман, очень образованный француз, прекрасно знает современную французскую литературу. Словом, я очень огорчен, но меня утешают твои слова: «Совершенно уверен, что эта возможность нам ещё представится». Твоя уверенность меня очень обрадовала, а то я начал, было, даже унывать, как бы не было трудностей. Но, Бог даст, всё наладится.

Я так рад, что мои статьи тебя заинтересовали. Скоро надеюсь напечатать еще несколько, но главная моя работа – это издание греческого текста творений прп. Симеона Нового Богослова. Это очень интересная, но вместе с тем и кропотливая работа, которая отнимает от меня очень много времени. Всё же надеюсь с Божией помощью закончить её сравнительно скоро и издать во Франции в издательстве «Sources Chrétiennes». В этом издательстве за последние годы было издано много творений греческих святых отцов с французским переводом, введением и т. д. . . Хотя ты, как пишешь, и не знаком с «научной теологией», но и я в твоём возрасте был с нею мало знаком. Но в общем, у меня с тобою были приблизительно те же интересы: история, литература, искусство. Не знаю, насколько тебя интересует философия, но из того,

что ты читаешь Паскаля, который, между прочим, не может быть сведён к простому моралисту, но есть прежде всего религиозный мыслитель, – вижу, что и ты интересуешься вопросами духа. У меня лично интересы развивались в общем по следующей схеме (хронологически) – история, философия, богословие. Но это не значит, что я потерял интерес к первым двум областям, хотя мой главный доминирующий интерес, конечно, – христианство и все, что с ним соприкасается (прямо или косвенно, положительно или отрицательно)... Прими также во внимание, что хотя я и живу на Западе и во многом высоко ценю и люблю Запад, но всё же я не «западник». Я гораздо более люблю греческий мир, чем латинский; Византию, а не Западное средневековье, и, конечно, Православие, а не римский католицизм. И также очень люблю Россию, всю ее культуру и историю, хотя Византия и «патристическое Православие» мне, пожалуй, ещё ближе и ценнее...

Эта проблема «православной» и «латинской» культуры была мною остро пережита, когда вскоре после возвращения из Советского Союза мне пришлось проезжать мимо Кентерберийского Собора (это один из лучших готических соборов Англии). Мне сразу вспомнился Успенский Собор во Владимире, где я был только что во время моей поездки. И я подумал: насколько всё же Владимирский Собор прекраснее! А главное, вопреки всем банальным пошлостям об «âme slave» (русская душа), во Владимирском Соборе все так ясно, уравновешенно, мудро, солнечно. Такая во всем мерность. А здесь все какое-то томление, выверт, эксцентричность, потеря равновесия и обладания духовной реальностью. То есть как раз противоположное тому, что обычно говорят, когда сравнивают Восток и Запад!

Ну, на этом пора кончать. Надеюсь, что Игорь получил моё последнее письмо от 8 декабря. Так как мы приближаемся к праздникам Рождества Христова, поздравляю тебя, Игоря и Н.А. с праздником и желаю всего наилучшего в наступающем Новом году. Дай Бог, увидимся в течение этого года.

Обнимаю тебя.

Твой дядя иеромонах Василий

13. Письмо матери

14/27 февраля 1939 г. Афон, Св. – Пантелеймонов Монастырь

Дорогая Мама,

Посылаю тебе сегодня иконы, которые ты просила. Только вот икон Спасителя нашлось всего 4, Божией Матери всего 7, остальные по 9 экземпляров... Ты сможешь их раздать своим подопечным, а для их детей постараюсь раздобыть и иконки Ангела Хранителя. Напиши мне их имена. Разрешили посылать с Афона книги (одно время это было совершенно запрещено), правда с некоторыми ограничениями и проверкой. В ближайшие дни вышлю «Путь ко спасению» для Н.Я. Терещенко (кстати, как её по отчеству, забыл, не знаю, как писать в письмах).

Умер американец Charles Crane¹, большой друг нашего Монастыря, скажи об этом моему брату Кире. О здешней жизни и своей работе над греческими рукописями подробно пишу ему, в ответ на его заказное письмо, которое шло очень долго и пришло в потрёпанном виде. Мой греческий стал почти совершенным, пишу и читаю свободно даже древние книги. Сейчас у нас пост; приобщаемся два раза в неделю – по средам и субботам. Остальное всё по-прежнему.

Молись обо мне.

Твой сын, м. Василий.

Примечание:

1. Charles Richard Crane or Charles R. Crane (1858–1939) специалист по арабскому миру. В 1917 году был в России в составе «Комиссии Рут» (or Root Commission).

14. Письмо брату

Брюссель, 2 января 1976 г.

Дорогой Игорь!

Поздравляю тебя, Н.А. и Никиту с праздником Рождества Христова и желаю всех благ в наступившем Новом Году. У нас всё, в общем, благополучно, сейчас готовимся к Рождеству. Матушка Екатерина вам кланяется, поздравляет. Здоровье её удовлетворительно, улучшается, но всё же остается слабость.

Мы с тобой говорили, что было бы хорошо, если бы ты смог приехать сюда ко дню моих именин, среда, 14 января. Да, это было бы очень хорошо, если бы ты выехал из Парижа поездом во вторник, 13 января, лучше утром, был бы на моих именинах, остался бы еще на один – два дня. Поместили бы мы тебя или у нас, или в гостинице рядом.

М. Екатерине было бы трудно кормить нас обоих, но так или иначе устроимся (знакомые, рестораны). Есть одно только осложнение: приезд в Париж митр. Никодима.

Он предполагает быть в Париже после Рождества и, как говорят, приехать в Брюссель к моим именинам. Если это последнее верно, то тем лучше: тебе будет интереснее и ничему его приезд не помешает. Но если он начнёт вызывать меня в Париж, то могут быть осложнения, хотя я почти наверное откажусь туда ехать: из-за праздников, моих именин, просто не будет времени.

За последнее время много, как обычно, работал, главным образом, над обработкой для печати моих докладов о Григории Нисском, Симеоне Н. Богослове. Наш «Вестник» выходит к 15 января, потом нужно будет готовить следующий номер, если только сговоримся с м. Никодимом.

А из «лёгкого» чтения читаю исключительно интересную книгу Custine «Lettres de Russie»¹ (вышло новое издание *livre de poche*, избранные места, а то 4 тома, с очень хорошим предисловием G. Niva²). Тенденциозная карикатура на эпоху Николая I (хотя не вполне выдуманно), точное изображение Сталинско-Брежневской России. В этом смысле пророческая книга, хотя она вовсе не изображает «вечные» черты русской истории, а какие-то рецедивы. Наряду с гениальными наблюдениями и замечаниями, чудовищное непонимание и тенденциозность. В основе – католическая ненависть к Православию («la religion grecque» – греческое верование – как он говорит). Советую тебе купить эту книжку. Любопытная смесь тонких наблюдений с «клюквой». И неожиданное преклонение перед личностью Николая I (прообраз Сталина).

Капкан до сих пор мне не шлёт денег, хотя я ему отослал фактуру (счёт), которую он мне выслал для подписи.

В воскресенье 11 января должны показывать моё выступление по телевизии.

Обнимаю. Всего доброго.

Твой брат арх. Василий

Примечание:

1. Французский писатель Маркиз де Кустин «Письма из России» 1839 г. Его книга начинается словами: «Я не думаю, что я что-то преувеличу, если скажу, что Российская империя – это государство, чье население самое несчастное в мире, т. к. оно одновременно страдает и от варварства и от цивилизации».

2. (G. Niva) Жорж Нива, р. 1935 г., профессор Женевского Университета. Сын латиниста Клермон-Ферран. Из семьи католиков, перешел в протестантизм, слушал в Эколь Нормаль

Паскаля об Аввакуме, осенью 1956 г. в МГУ у Гудзия – изучает Белого, дружен с Б. Пастернаком. Служил в армии, ранен в Алжире, читал лекции сперва в Нантере, с нач. 70-х гг. – в Женевском ун-те, с 1971 г. вновь приезжает в Россию, вывозит диссидентские рукописи. Автор монографии «Солженицын». В 1992 г. – первое путешествие в российскую провинцию. Любит Россию, читает лекции в ЕУ и МГУ.

15. Почтовая открытка с видом на Афон брату, И.А. Кривошеину, в Париж

3 сентября 1976 г.

Дорогой Игорь!

Вот уже несколько дней как я нахожусь на Афоне и очень, очень радуюсь.

В Киноте¹, не говорю уже о нашем Монастыре, меня встретили трогательно хорошо. Расспрашивали о моём служении, о чём я сейчас пишу... Здесь, в нашем монастыре, 17 человек из России, 9 из них прибыли всего две недели тому назад, в большинстве это своего рода «третья эмиграция», своеобразная, народная, живая и новая. Они принесли с собой оживление и массу новых рассказов. К сожалению, должен скоро уезжать, вернусь в Брюссель, Бог даст, к 10–12 сентября. Богословский съезд в Афинах был тоже очень интересен. Да и погода стоит чудная, даже не слишком жарко.

Обнимаю. Привет Н.А., а также Никите.

Твой брат, ар. Василий

Примечание:

1. Священный Кинот, управляющий орган двадцати афонских монастырей.

16. Письмо брату И. Кривошеину

9 октября 1976 г. Св. Владимирская Семинария, США Дорогой Игорь!

Вот уже более пятнадцати дней как я нахожусь в Америке, живу у о. Иоанна Мейендорфа¹. У нас с ним много интересных бесед, рассуждаем о будущем России. Прочитал две лекции в Семинарии и еще две предстоят. Конечно, лекции и разъезды утомительны, но я живу в хороших условиях и могу отдыхать. Всё, конечно, интересно, но писать времени нет, расскажу подробно, когда приеду. Служил здесь несколько раз в одном из приходо-в и в Патриаршем соборе в Нью-Йорке. Ездил в Принстон, там живёт о. Георгий Флоровский². Очень, очень он постарел, в этом году ему исполнилось 82 года, плохо слышит, но умственно бодр. Много с ним беседовал, рассказывал ему об Афоне, а ещё он читал книгу Кирилла о нашем папе. Книга эта довольно хорошо в Америке известна, и о. Иоанн Мейендорф и о. Александр Шмеман³ её читали. Оба они старой России не знали, а потому многие вопросы исторические для них еще не ведомы. Книга Кирилла⁴ для многих есть настоящее открытие, материалы в ней собраны уникальные.

Православие в Америке производит на меня сильное впечатление своими размерами, а также своей «американизацией» в хорошем смысле этого слова. Русский язык они не забывают и служат по славянски. Но сколько продержатся? Может через три поколения, когда старики умрут, а молодёжь вся перемешается и станет «американской», забудут и старославянский. Вот у карловчан в РПЦЗ, там всё строго, соблюдают традицию...

Вернуться в Брюссель предполагаю в понедельник, к 25 октября.

После дождей наступила солнечная, но холодная погода, листья желтеют и падают.

Обнимаю тебя и Никиту, Привет Нине Алексеевне.
Твой брат, ар. Василий

Примечания:

1. Протопресвитер Иоанн Мейендорф (Мейендорф Иван Феофилович) (John Meyendorff), (1926–1992).

Родился 17 февраля 1926 г. во Франции, в г. Нейи-на-Сене, в русской аристократической семье. Барон. С детства прислуживал в церкви как пономарь, как иподиакон (иподиакон служил при митрополите Евлогии (Георгиевском) в Свято-Александро-Невском соборе в Париже). Окончил Свято-Сергиевский православный богословский институт в Париже (1944–1949) и Сорбонну, где защитил докторскую диссертацию о богословских воззрениях святого Григория Паламы (1958). Женат на Марии Алексеевне Мейендорф (1950). Преподавал греческий язык и историю Церкви в Свято-Сергиевском институте (1950–1959). Один из организаторов Всемирной федерации православной молодежи «Синдесмос» (1953). Секретарь (1953), затем президент (1954–1964) Синдесмоса. Диакон (1959). Рукоположен в священники в Париже 22 марта 1959 г. В 1959 г. переехал в США и получил кафедру профессора патрологии в Свято-Владимирской семинарии в Нью-Йорке и в Фордамском университете (США). Совместно с протопресвитером Александром Шмеманом был инициатором создания канонической организации Американской Православной Церкви и в течение длительного времени возглавлял Отдел внешних сношений этой поместной Церкви. Редактор газеты «The Orthodox Church». После кончины протопресвитера Александра Шмемана был избран ректором (деканом) Свято-Владимирской семинарии (1984–1992). Входил в число советников главы Северо-Американской митрополии Русской Православной Церкви (а с 1970 г. – Православной Церкви в Америке) митрополита Американского и Канадского Феодосия (Лазора). Также был одним из главных инициаторов автокефалии Православной Церкви в Америке (Orthodox Church in America). Видный деятель экуменического движения. В течение многих лет был членом центрального комитета Всемирного Совета Церквей (ВСЦ). Около семи лет был модератором одной из ведущих комиссий ВСЦ «Вера и церковное устройство» («Faith and Order»). Вышел в отставку в июле 1992 г. Скоропостижно скончался 22 июля 1992 г. в Монреале (Канада) от рака поджелудочной железы. Похоронен на кладбище недалеко от Свято-Владимирской семинарии в г. Крествуд (США).

2. Георгий Васильевич Флоровский (28 августа (9 сентября) 1893 г. Елизаветград, Российская Империя – 11 августа 1979 г., Принстон, США) – православный священник русского происхождения, протоиерей; религиозный мыслитель, богослов и историк; деятель экуменического движения и один из основателей Всемирного совета Церквей. В 1916 году окончил историко-филологический факультет Императорского Новороссийского университета, где изучал также историю философии и естествознание. Будучи студентом, он, как многие его современники, в годы войны и революции искал осмысления реальности на путях философии. «Прошлая судьба русского богословия была для меня всегда историей творимой современности, в которой нужно было найти самого себя,» – напишет он уже много позже в предисловии к своим «Путям русского богословия».

3. Протопресвитер Александр Шмеман (Шмеман Александр Дмитриевич) (Alexander Schmemmann), (1921–1983). Родился 13 сентября 1921 г. в г. Ревеле (Таллине), в Эстонии. Среднее образование получил в Париже. Окончил Свято-Сергиевский православный богословский институт в Париже (1945). Женат на Юлиане Осоргиной (янв. 1943, Париж). Преподавал в Свято-Сергиевском институте церковную историю (1945–1951). В 1946 г. принял священство. В 1951 г. с женой и детьми переселился в Нью-Йорк, приняв приглашение Свято-Владимирской Духовной семинарии. Служил в юрисдикции Северо-Американской митрополии РПЦ (с 1970 г. – Православная Церковь в Америке). В 1959 г. защитил в Париже докторскую диссер-

тацию по литургическому богословию. С 1962 по 1983 гг. – декан Свято-Владимирской семинарии. Много выступал с проповедями по радио в передачах для России. Принимал активное участие в работе Русского студенческого христианского движения (РСХД) (в течение длительного времени был заместителем председателя Движения) и Содружества святого Албания и преподобного Сергия. Скончался 13 декабря 1983 г.

5. К.А. Кривошеин, автор книги об отце «Александр Васильевич Кривошеин. Судьба российского реформатора». Переиздана в России «Судьба века – Кривошеины», изд. Звезда, 2002 г.

17. Письмо брату

Брюссель, 9 февраля 1977 г.

Дорогой Игорь!

Сегодня получил твоё письмо от 6 февраля.

Да, я действительно очень занят моей книгой, хотя разные дела всё время отвлекают в сторону. Я крайне ограничил всякое чтение, непосредственно не относящееся к моей работе, читаю только газеты, без этого нельзя для епископа. Для написания и окончания моей книги нужен долгий и настойчивый труд.

Думаю прибыть в Париж во вторник 15 февраля днём и вечером быть на собрании в Богословском Св. – Сергиевском Институте. В среду и в четверг остаюсь в Париже, а потому хотел бы придти к тебе в среду вечером.

Посылаю тебе фотокопию моего интервью с журналом «The Orthodox Church» (о. Мейендорфа). Это интервью не всем понравится всецело, хотя частично более или менее всем (кроме большевиков и левых французов). Я защищаю и Американскую Церковь и Русскую (а она сейчас страдает), защищаю так, как могу и как требует дело, но говорю истину, а её не все любят. Центральное место в интервью, все же, – поддержка и одобрение протестов против религиозных преследований в СССР. Это наверняка не понравится кое-кому в Московской Патриархии, а кое-кому понравится, потому что сами они сказать громко боятся, ну а от меня услышат и порадуются. Не понравится это и тем, кто здесь на Западе *plus royalistes que le Roi* (больше роялисты, чем Король).

Мне писала Оля¹, ты знаешь, как я её люблю и ценю, но иногда она слишком уж наивна, вот и сейчас написала довольно-таки глупое письмо о Прав. Совещании, восторгалась нашей делегацией, я ей ответил довольно подробно.

Не раз замечал в своих поездках, что русские в СССР относятся к духовенству, как к «богам», у многих из них чувство, что можно на фотографию священника молиться, как на икону. Это, конечно, от непросвещенности и отвычки народа от настоящей церковной жизни, и недостаток хороших священников.

Агурского² я мало знаю. Он несомненно хороший и искренний человек, но с малым богословским багажом, что часто сочетается с самоуверенностью. Его статьи о евреях, перешедших в Православие, очень интересны!

Буду рад тебя видеть и о многом поговорить,

Твой брат, ар. Василий

Примечания:

1. Ольга Александровна Кавелина (инокиня Серафима), 1916–2004. Похоронена на кладбище в Оптиной пустыне. Двоюродная сестра архиепископа Василия (Кривошеина), ее двоюродным дедушкой был архимандрит Леонид (Кавелин). Ольга Александровна была связана с

Оптиной пустыней с самого детства, помогала после открытия монастыря найти места погребения старцев. После кончины владыки Василия много занималась его литературным наследием в России.

2. Агурский Михаил (Мелик) Самуилович, (1933–1991). Сын американского коммуниста, приехавшего в СССР и репрессированного в 1937 г. Ученый-кибернетик, историк, политолог и литературовед. Автор статей по «еврейскому вопросу» в Русской Церкви, а также по национальным и общественным вопросам и о положении Русской Церкви. Эмигрировал на Святую Землю.

18. Письмо брату

Брюссель, 13 марта 1977 г.

Дорогой Игорь,

В дополнение к нашему телефонному разговору сообщаю тебе следующее. Относительно предполагаемых поездок в 1977 году:

1. Поездка в Америку на предполагавшийся коллоквиум «Православные Церкви в странах западной традиции» откладывается. Эта встреча, организованная Всемирным Советом Церквей, должна была быть в июне этого года, но она не состоялась. Дело в том, что греки оказались против, и Константинопольский Патриарх написал в Сов. Церквей, что вопросы диаспоры решаются самими Церквами, в частности будущим Собором. Это было бы верно, если бы коллоквиум имел бы темой юрисдикционные вопросы, но он ими и не предполагал заниматься, а только обсуждать проблемы православия в Западной Европе и в Америке. Нежелания греков всё более становятся прозрачными, а потому я считаю, что за всем этим находится притязание Константинополя на юрисдикционную монополию. Как бы то ни было, Сов. Церквей решил коллоквиум отложить. Само собрание в Америке и тема интересны, а ещё интереснее моё общение во Владимирской Семинарии и с о. Александром Шмеманом, и с о. И. Мейендорфом, но прошло меньше года после моей последней поездки, а это слишком часто и утомительно.

2. Зато намечается поездка в Грецию, в Солоники, где предполагается 27 апреля собрание православных членов комиссии диалога с Англиканами¹. Как я тебе уже писал, мне хотелось бы поехать в Москву, скажем, к 20 апреля (отчасти по билетным соображениям), оттуда 25 апреля выехать в Солоники, а потом в Афон.

Очень занят писанием книги, хотя в Посту на это остаётся совсем мало времени.

Обнимаю,

Твой брат, ар. Василий

Примечание:

1. См. текст архиепископа Василия «Богословский диалог между Православной Церковью и англиканским вероисповеданием и его проблемы».

19. Письмо брату

Брюссель, 19 августа 1977 г.

Дорогой Игорь,

Давно тебе не писал. Был много занят окончанием книги, получилось свыше 500 страниц. Теперь переделываю и перестукиваю на машинке. Надеюсь к весне закончить. Кроме того, был в Кембридже, на заседаниях англикано-православной Комиссии. Впрочем, я тебе уже расска-

зывает, когда был в Париже. Но пришлось писать подробный доклад критического характера в Москву м. Ювеналию о работе этой Комиссии. Всё это заняло много времени и сил, которые отрывают от книги.

Помнишь, я тебе говорил в Париже о голландском студенте Ленинградской Духовной Академии, которого выслали из СССР за якобы «военный шпионаж в пользу американцев». Сейчас всё это выяснилось, сам студент, Феодор ван дер Форст, был у меня, беседовали два часа, показал мне журнал «Огонёк» № 27 за этот год с большой статьёй о нём (у меня, к сожалению, только фотография статьи, да и та, к сожалению, не полностью, найти журнал здесь в продаже я не мог). Никакого обвинения в шпионаже к нему не предъявлялось ни в КГБ, ни в «Огоньке», а идет речь о его участии в подготовке фильма о положении религии в СССР и нарушении прав человека, а ещё в связи с журналом «Посев» в лице его корреспондента в Стокгольме. Диссиденты в России предложили Форсту принять участие в подготовке фильма, он «счёл своим долгом» согласиться, ездил (через Финляндию, а далее тайно...) в Стокгольм, где получил от «Посева» киноаппарат, два магнитофона, пленки и 3000 рублей на расходы для разъездов по русским просторам. Но сам он ездить не смог, ему нужно было для каждой поездки получать разрешение от КГБ, а потому ездил его русский помощник. Фильм был почти готов, но тут его помощник Мурашев выдал всё КГБ (так пишут сами кегебисты), Форста арестовали, допрашивали сотрудники известных «органов» в здании Октябрьской гостиницы. Форст во всём сознался, но других (тех, что ему помогали в России и на Западе) не выдал. Написал заявление, где признает, что совершил «правонарушение». Текст заявления он мне пересказал, ну, что сказать... оно средне-трусливого характера, хотя без прямого сожаления о содеянном, но всё же видно, что пишет так, чтобы не попасть в концлагерь. Удивительно, но его допросили и не выслали, а наоборот, упорно настаивали чтобы он продолжал учиться в Академии (очевидно, чтобы сделать его своим агентом). Но Форст категорически отказался и получил разрешение уехать в Голландию, за что благодарит письменно сов. власть, за их «гуманное отношение». Всё-таки они его напугали, а потому он и калялся. Перед отъездом виделся с митрополитом Никодимом (Ротовым), подробно все рассказал ему, а митрополит Никодим отнесся к нему с пониманием, долго его успокаивал. Сам Форст – симпатичный молодой человек, искренний, но не сильный. Ввязался не в свое дело, да хотя поначалу, видимо, был настроен по-боевому. Он, оказывается, за три года своего пребывания в Лен. Академии сотнями возил богословские книги, Евангелия, Библии, иконки... Это, конечно, замечательное дело. Он ведь рисковал на границе, да и когда раздавал всё это в России.

Странно, но когда его схватили, то КГБ в этом его не обвиняло, и, по-видимому, они об этом не знают. Но ему, как иностранному студенту Академии, не следовало бы заниматься съёмками фильмов и так рисковать... хотя я сам, грешник, сколько провёз духовной литературы.

Эта история может затруднить принятие будущих иностранных студентов в Академию, да и самой Академии от КГБ могут быть неприятности. Митрополит Никодим – большая умница, он все понимает, а потому успокаивал Форста. Сам я считаю, что людям слабохарактерным не следует пускаться в такие рискованные дела. Мне только не ясно; было ли все дело с самого начала провокацией КГБ? Долго ли они за ним следили и когда подключили «друга-помощника» – провокатора? И самому Форсту всё далеко не ясно... но получилась глупая и неприятная история. Жаль его: не смог окончить Академию, остался ни при чём и с перевернутой душой.

В остальном у меня все обычно. В конце месяца еду в Шевтонь. Опять конференция, но не трудная и интересная по лицам, с которыми придётся встретиться.

Обнимаю,

Храни вас всех Господь, Ар. Василий

20. Письмо брату

Брюссель, 21 марта 1978 г.

Дорогой Игорь,

Сейчас Великий Пост, очень погружен в ежедневные богослужения, времени свободного мало, но всё же, хотя и не очень энергично, пытаюсь продвигать мой перевод на русский язык – мою рукопись о прп. Симеоне Новом Богослове. Уже перевел пять глав из двадцати семи. Переводить мне себя с французского на русский совсем нетрудно, и дело движется быстро, другое дело цитаты, которые я перевожу непосредственно с греческого. Это гораздо труднее и утомительнее не потому, что греческий текст древний, совсем нет (я ведь его знаю в совершенстве), но строение греческого языка другое. А потому мне хочется соблюсти точность, и это трудно совместить с литературностью. Приходится ломать голову, чтобы не получалось скучно и буквально, хотя необходима точность.

Конечно, следил с величайшим интересом за французскими Парламентскими выборами.

Очень рад провалу левых сил. Конечно, больше всего помогли коммунисты своими нападками на социалистов. Хотя французская Соц. Партия почти красная, тем не менее они стремятся к самостоятельности, к некоей независимой линии. Со стороны коммунистов было бы величайшей глупостью допустить провал социалистов полностью, ведь тогда им не видать своих мест в парламенте вообще.

У меня давно уже возникает вопрос: а может быть, правы те, кто считает лучшей и действительной гарантией против коммунистической революции сильное социалистическое правление? (типа немецкого?) И потому коммунисты так боятся усиления социалистов и их поправки. Страшно подумать, что было бы с Францией, если бы в 1968 году власть захватили повстанцы! Французские социалисты такие идиоты, что нужно только надеяться, что они когда-нибудь окончательно провалятся, а Ком. Партия вместе с ними...

Других новостей у меня нет. С интересом жду своей поездки в Москву, думаю об этом и мечтаю побывать в глубинке.

До Пасхи в Париж не думаю приезжать, Обнимаю. Привет Н.А. и Никите.

Твой брат, Архиепископ Василий.

P.S. Матушка Екатерина¹ довольно слаба и очень устаёт, но всё делает по-прежнему.

Примечание:

1. См. Рассказ о монахине матери Екатерине (Полюховой, 1906–1982).

21. Письмо брату

Брюссель, 3 марта 1978 г.

Дорогой Игорь,

Прошу простить меня, что не поздравил тебя вовремя с днём рождения, из-за разницы в стилях перепутал даты, потом было поздно. Желаю тебе здоровья и всех благ!

С моей рукописью о Симеоне Н. Богослове есть некоторые новости. Из Америки получил письмо от православного американца, профессора Эриксона¹, заведующего Издательским Отделом Владимирской Академии. Он написал мне, что рукопись моя получена, и её будут переводить на английский; боюсь только, что всё это очень задержится, да и как они с этим

делом справятся. Я, конечно, просил переслать мне перевод, перечитать необходимо... тороплюсь, хочу успеть, а времени мало. Получил также ответ от о. Иоанна Мейендорфа: «Очень большое спасибо. Вы, Владыка, проделали исторический труд! Буду читать с радостью». Но он в этом году не во Владимирской Академии, а в Вашингтоне, а решающее лицо именно он. Впрочем, я не сомневаюсь, что он моего Симеона одобрит для перевода и печати. Весь вопрос во времени.

Несколько иначе обстоит дело с Шевтонь (Chevetogne)². Рукопись получена, читается р. Nicolas Egerder, заведующим шевтоньским Издательством. Сам он молчит, хотя прошло уже 4 недели (может, хочет закончить чтение? А всего 400 страниц). Но я виделся здесь с их настоятелем Michel Van Pargs, и он мне сказал: «C'est un beau manuscrit, vous montrez bien Syméon...» (Очень хорошая рукопись, вы хорошо представляете Симеона...) Но тут же некоторые оговорки, что он не прочёл ещё всей рукописи или что «большинство католиков ничего не понимают», или что последнее слово принадлежит о. Николаю Эгердеру, но мне кажется, что это неправда, потому как настоятель – более важное лицо и решает по сути он, а не Н.Э.

Я много думал и пришёл к выводу, что на самом деле содержание моей рукописи, а, вернее, сам Симеон Н. Богослов, не вполне в духе среднего католического читателя (но, как ни странно, и современного православного, который ничего о нём не знает!), именно это и смущает шевтоньских монахов. Но они будут молодцы, если решаться опубликовать, потому как им может «влететь» от их католического начальства. Впрочем, всё это только мои предположения. Но если бы Шевтонь не захотел публиковать, то у меня на примете есть и другие возможности для издания по-французски и по-русски³.

Говорил, кстати, со Н. Струве о возможности издать в его YMCA-Press, но он не даёт определённого ответа, говорит, что книга тоже не вполне в их духе. Они ведь не издали ни одной серьёзной богословской книги, всё больше художественной литературы, но когда я ему заметил это, то он стал это отрицать и ссылаться на финансовые трудности.

Скоро наступает Великий Пост, буду очень занят богослужениями, разъездами по Бельгии и Голландии. Вряд ли скоро удастся попасть в Париж.

Обнимаю, твой брат арх. Василий P.S. Кланяюсь Нине Алексеевне и Никите большой привет.

Примечания:

1. Ректор Свято-Владимирской православной Академии в Нью-Йорке (США) профессор Джон Эриксон (Православная Церковь в Америке).

2. Шевтоньский мужской монастырь (Бельгия). Крестовоздвиженский бенедиктинский монастырь, подчиняется местному латинскому епископу. Основан в 1925 г. в Бельгии дом Ламбер Бодуэном в Амэ-сюр-Мез (епархия Льежа), и в 1939 г. перенесен в Шевтонь (епархия Намур). 11 декабря 1990 г. Приорство стало аббатством. В монастыре имеется византийская (Крестовоздвиженская церковь, освящена 13 сентября 1957 г.) и латинская церкви. На данный момент подвизаются 27 монахов. Активно занимается экуменизмом (монахи посещают Россию, ведется активная работа с православными братьями). Специфика монастыря в том, что богослужение в нем проводится по старому (дониконовскому) обряду. Есть огромная библиотека и издательство.

3. Книга архиепископа Василия «Симеон Новый Богослов» была издана при его жизни, переведена на все европейские языки, переиздана тысячными тиражами, и до сих пор пользуется необыкновенным успехом как у простого читателя, так и в научной богословской среде. Этот многолетний, скрупулезный труд поистине принес мировую славу владыке Василию.

22. Письмо Р.Н. Редлиху

Брюссель, 27 июля 1980 г.

Дорогой Роман Николаевич!¹

Получил Ваш меморандум о положении Церкви в России и Ваше письмо от 14 июля об отце Димитрии Дудко². Простите, что до сих пор не ответил, был в Англии на англикано-православной Комиссии.

Относительно Вашего меморандума скажу Вам, что он, в общем хорош, точен, обоснован, единственное, что можно Вам заметить – Вы недостаточно говорите о положительных явлениях церковной жизни, а увеличение посещения церквей в СССР молодежью, несомненно, можно отнести к духовному пробуждению. Правда, Вы об этом упоминаете, но вскользь и ограничиваете, и отождествляете духовное возрождение с церковным диссидентством. Положительное явление этого церковного «диссидентства» заключается не только в том, что народ (молодежь) идет в храмы, а и в том, что они не занимаются огульным поношением иерархии в Патриархии, а это положительное явление. Но и это далеко не все! Хочу заметить Вам, что самым положительным фактом в церковной жизни является резкое увеличение за последние годы, почти удвоение, числа семинаристов и студентов Духовных Академий, вызвавших создание параллельных классов в этих учебных заведениях. Это факт несомненный, всеми подтвержденный, и, я думаю, что эти семинаристы окажутся для Церкви в будущем более полезными, чем все участники так называемых «семинаров», хотя и те приносят свою пользу, хотя бы тем, что вынуждают советскую власть делать уступки Церкви, допуская молодёжь в высшие церковные школы. Об увеличении числа этих учащих Вы в Вашем меморандуме ни слова не говорите. Почему? Чтобы сделать его более ударным? Думаю однако, что правдивость и объективность ударнее всего.

Теперь относительно о. Димитрия Дудко.

Это очень сложный случай, мы еще недостаточно осведомлены, хотя многое уже выясняется по доходящим из Москвы сведениям. Случай, как Вы пишете, потрясающий, и так он был воспринят не только здесь, но в особенности в СССР. Но мы должны быть реалистами и смотреть действительности прямо в глаза. Нельзя «утешать» себя (хотя это слово не подходящее) упрощенными объяснениями, вроде: «его пытали, кололи наркотики, поили чем-то, и от этого он стал говорить другое, отрёкся от своих прежних взглядов...» Впрочем, я замечу, что если и так, то он отрёкся от некоторых взглядов и убеждений, но не от веры в Бога... Далее, хочу Вам заметить, что если у чекистов и есть такие средства принудить человека отречься не только от себя, но и подписать, что угодно, то почему они не справились с такими людьми как В. Буковский, Л. Плющ, Д. Синявский? Почему они не смогли признать себя виновными и заставить работать «по-ихнему» св. Якунина, Регельсона и прочих борцов за правду. Сейчас уж не 37 год, хотя в науке «убеждать» традиции сохранились.

Как пишет Белов, просидевший многие годы в психотюрьмах (Сычевке), «мужественного идейного человека никакие средства не могут вынудить отречься». Я не берусь утверждать обратное, сам я лишь был на Гражданской войне и видел смерть, и был в плену у Красных, видел зверства... Но по отношению к о. Дудко нет таких данных, по которым можно утверждать, что к нему применялись физические средства, кроме полной изоляции, продолжительных допросов и т. д. Давление, несомненно, было, но преимущественно психологическое. Как бы то ни было, человек не выдержал и сломался, по-советскому говоря, «раскололся» (увы не первый и не последний). Почему?

Как пишет Левитин-Краснов в «Русской мысли» (друг о. Дудко и хорошо его знавший, и считающий себя его другом до сих пор), что о. Димитрий был «глубоким неврастеником, нервным, увлекающимся, неустойчивым человеком». Так я слышал от многих, а по его некоторым письмам ко мне, я это могу только подтвердить. По-церковному: был в прелести или близко к ней. Вокруг него создалась нездоровая атмосфера обожания. Его захвалили. «Это наш Иоанн Кронштадский», – сказал мне как-то раз в Москве один из его приближенных. У такого человека может произойти резкая перемена во взглядах от первого шока, испуга, нажима (а, видимо, чекисты это знали).

Это не значит, что я верю в подлинность его покаянного заявления в «Известиях»! Много в нем явно подсказано чекистами, потому как есть безграмотности богословские (приписывает Евангелию слова ап. Павла о власти. Чекисты этого могли не знать, но священник о. Димитрий знает).

Обо мне он пишет ложь, будто бы «передавал на Запад через меня клеветнические материалы». Я с ним в Москве беседовал только один раз, но никаких документов он мне не передавал. Я уже опроверг это утверждение в газете «Ле Монд» и в «Фигаро». Но наряду с этими чекистскими вставками, более или менее обширными в желании меня опорочить, есть в его тексте места по стилю почти несомненной подлинности. Мне пришлось за последнее время много объяснять здесь на Западе, как работают некоторые «органы» в СССР и что русское священство очень страдает. Впрочем, всё это имеет мало значения, кто писал. Важно, что о. Дудко это подписал и, выйдя из тюрьмы, не отрицает.

Я не могу и не хочу его судить. «На словах мы все герои, а на деле не всегда», – вспоминает слова о. Димитрия Левитин-Краснов. Но я не могу отрицать, что своим «покаянием» о. Дудко нанес тяжелый удар не только себе, но и своим ученикам и последователям, и вообще верующим и Церкви.

Дело, однако, не ограничивается личностью о. Димитрия. И мы должны сделать нужные выводы. Отец Димитрий хотел показать и выявить, что путь, по которому идет Патриархия – неправильный, что есть другой путь, трудный, но возможный, и что он (по смыслу о. Димитрия) более полезен для Церкви. И если бы он устоял и не сломался, то показал бы на своем примере, что есть такой путь, хоть он и сопряжен с жертвами и страданиями. А сейчас, отрекшись огульно от всего, чему он служил и проповедовал, от всего хорошего, что он делал и писал, он показал, что его путь утопичен, нереален и вреден для Церкви, а путь Патриархии, если и не вполне правильный, но единственно возможный в настоящее время. Ибо неизмеримо лучше молчать, чем протестовать, шуметь, требовать, а потом от всего отречься!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.